

1-ый всероссийский
литературный журнал

Смоленская область

2017

ISSN 2414-1348

Главный редактор

М. Аль

Над номером работали:

Т. Игорева

С. Бобарыкин

А. Самофральнойская

Л. Сердечная

В. Суханова

**Маргарита Аль,
главный редактор Всероссийского
литературного журнала «ЛиФФт»**

Дорогие друзья!

Поздравляю вас с первым номером смоленского журнала «ЛиФФт»! Этот журнал – часть большого литературного проекта «ЛиФФт». В нашей стране восемьдесят пять регионов, восемьдесят пять литературных островов. И один из них – это литературный остров Смоленской области.

Вопреки мнению, что литература переживает упадок, журнал «ЛиФФт» показал обратное – невиданный рост поэзии и прозы. Одно дело, когда авторы печатаются от случая к случаю, выжидая годами приглашения, в надежде, что кто-то где-то обратит на их творчество внимание; и совсем другое дело, когда есть системный печатный орган, представляющий на равных условиях литературную площадку для всех регионов России.

Ни один литератор, где бы он ни жил, в Москве или в далеком таежном поселке, не останется не услышанным. Схема проекта «ЛиФФт» проста и толерантна:

- Региональный журнал «ЛиФФт» (издается 2 раза в год в каждом регионе);
- Всероссийский журнал «ЛиФФт» (издается 4 раза в год);
- Ежегодный Всероссийский литературный фестиваль фестивалей «ЛиФФт», куда приглашаются писатели и читатели всех республик, краев и областей, чтобы не только побороться за звание лучшего, но приобщиться к поистине необъятной российской культуре.

Сегодня у нас все сбылось. Проект «ЛиФФт» отлично стартовал и набирает скорость по всем законам аэродинамики. Уже 50 регионов России представлены на литературной карте нашей страны. Прошел первый фестиваль «ЛиФФт-2016» в Республике Крым, активно готовимся к следующему фестивалю «ЛиФФт-2017» в Москве 26–30 мая. Не остался незамеченным Первый съезд региональных редакторов, где были приняты основные принципы межрегионального сотрудничества. Вышло три всероссийских журнала «ЛиФФт» и шесть региональных журналов «ЛиФФт». И еще 12 республик и областей верстают свои журналы. Налажены телемосты между читателями и писателями

республик. Выпуск регулярных литературных журналов во всех регионах страны – вот наша задача. Возродить связь между писателями и читателями, связь между регионами, между районами – вот путь, который выбрали мы.

Сегодня мы представляем первый номер смоленского журнала «ЛиФФт». Впервые Смоленская область заиграла именами литераторов на карте. Именами как достопримечательностями, реликвиями и бесценным даром. Именами ныне живущих поэтов и писателей.

О ЖУРНАЛЕ «ЛИФФТ»

Аббревиатура ЛиФФт расшифровывается как «литературный фестиваль фестивалей». Это – общероссийский проект, направленный на создание единого литературного пространства на территории Российской Федерации.

Сейчас в России проводится множество литературных фестивалей и конкурсов. Вот лишь неполный перечень тех, в которых принимают участие смоляне: областной поэтический фестиваль «БиблиоПарнас», литературный конкурс им. Алексея Мишина, фестиваль исторической поэзии «Словенское поле» (Псков), литературный фестиваль «Славянские традиции» (Крым), фестиваль «Интеллигентный сезон» (Саки, Крым), «Каблуковская радуга» (Тверь), «Славянская лира» (Минск), «Центр Европы» (Полоцк), литературно-музыкальный фестиваль «Ялос» (Ялта, Крым) и многие другие. «ЛиФФт» преследует цель объединить их все в единое целое.

Цели и задачи этого движения были сформулированы его создательницей, генеральным директором проекта, главным редактором Всероссийского и региональных журналов «ЛиФФт», членом международного ПЕН-центра, поэтом, философом, Маргаритой Аль:

- Объединение фестивального движения в многонациональной России и обмен опытом организации литературных форумов с привлечением Евразийских литераторов.
- Содействие укреплению творческих и дружеских связей писателей всех субъектов Российской Федерации вне зависимости от принадлежности к различным писательским организациям и союзам.
- Привлечение широких кругов общественности, читателей к участию в культурной жизни Российской

Федерации, пропаганда чтения и литературного творчества.

- Повышение престижа литературы и авторитета современного писателя в обществе.
- Содействие в продвижении и взаимобмене литературных изданий региональных и малотиражных издательств.
- Продвижение в мировом сообществе современного образа писателя России.
- Установление культурных связей с русскими соотечественниками за рубежом.

В первый номер смоленского журнала «ЛиФФт» вошли произведения активных участников, победителей и дипломантов областных, всероссийских, международных литературных фестивалей и конкурсов. Это не только члены профессиональных творческих союзов Смоленщины – Союза писателей России и Союза российских писателей, но и самодеятельные авторы, члены литературных студий и объединений. Палитра имен широка и многообразна, но далеко не все достойные авторы Смоленщины представлены в первом номере. Надеемся, что география и состав имен поэтов и прозаиков расширится в следующих номерах. Составители преследовали цель охватить как можно большее количество регионов нашей области, чтобы представить литературную мозаику Смоленщины в полном масштабе.

И, конечно же, реализация нашего проекта была бы невозможно без спонсоров. Мы благодарим депутата Смоленской областной Думы Николая Николаевича Мартынова за финансовую помощь в издании журнала.

СМОЛЕНСК

Древний город-герой Смоленск является областным центром Смоленской области, расположен на семи холмах по обоим берегам Днепра в западной части России. Расстояние от Москвы до Смоленска составляет около 400 километров. Город является историческим и культурным памятником России.

Одной из достопримечательностей Смоленска можно назвать Успенский кафедральный собор. Паломники и туристы с удовольствием посещают это архитектурное чудо, любясь иконостасом XVIII века, древней плащаницей и старинным списком иконы Божией Матери Одигитрии.

Фрагменты Смоленской крепостной стены XVI–XVII веков, которую спроектировал зодчий Федор Конь по приказу Бориса Годунова, позволяют представить себе, какой она была четыреста лет назад.

Большой интерес у гостей города вызывают три храма домонгольского периода: церковь Петра и Павла, церковь Иоанна Богослова и церковь Архангела Михаила (Свирская).

Смоляне гордятся своими известными земляками. В городе установлены памятники известным поэтам М. Исаковскому, А. Твардовскому и его литературному герою В. Теркину, писателю Б. Васильеву, скульптору С. Коненкову, основоположнику русской классической музыки М. Глинке.

В Историко-архитектурном комплексе «Теремок», бывшем имении княгини М. К. Тенишевой, можно познакомиться с творчеством И. Е. Репина, Н. К. Рериха, М. А. Врубеля, С. В. Малютина, увидеть предметы старины.

Многие известные смоленские поэты вышли из литературных студий «Персона», «Родник» им. Ю. В. Пашкова, «Среда», «Родничок».

ОЛЕГ ДОРОГАНЬ

АИСТЫ ПРИЛЕТЕЛИ

До середины апреля
Вьюги вели войну.
Аисты прилетели
И принесли весну.
От кипарисов к елям
Гибкими сгустками пара –
Аисты прилетели
В Ельню влюбленной парой.
Стало быть, к самым близким –
Жить под единой звездой.
Аисты на обелиске
Свили себе гнездо!
В них – не от тех ли метелей
Чуткая белизна?
Аисты прилетели –
Значит, и впрямь весна.
Значит, и впредь надежда
Участи нас не лишит.
Что, если в белых одеждах
Встал, кто под плитами спит?
Встал и взирает престольно
На православный собор
Под перезвон колокольный,
Под соловьев перебор.
С миром тебя, отмеченная
Богом – земля меж земель,
Аистами увенчанная
Гвардии колыбель!

Любовь дрожит на нити тонкой,
Не рваться ей бы в бездне дней.
Представь любимую ребенком –
И ты нежнее станешь с ней.

Представь изменчивого друга
Или того, кто нелюбим,
Ребенком, да еще с недугом, –
И ты добрее станешь к ним.

Ровной линией кардиограмма –
Даже «скорая» не помогла.
Не проснется теперь моя мама,
Не вернется – навеки ушла...

Уходя, ничего не сказала
В бессознательной смертной тоске.
Лишь на веко слеза натекала,
Когда гладил ее по руке.

За пять лет три великих утраты –
За Мариной отец, вскоре мать...
Все уходит с родными куда-то,
Вот и век мой уносится вспять.

Отгорели прощальные свечи,
Всех с молитвами предал земле.
Распрямяю согбенные плечи,
Строю душу, как дом на золе.

Срок и мой, так что вряд ли замечу,
Подойдет – жизнь прокрутится вмиг.
Только верю, что снова я встречу
Милых, добрых моих, дорогих!..

Я не венчался с земною невестой,
И обручальные кольца с небес
Не вручены были силою крестной
Мне ли, одной из моих ли невест...

А повенчаюсь я с белою вьюгой
Майских черемух, пока не найти
Нам, разлученным навеки, друг друга
Где-нибудь в горних на Млечном Пути...

Там, где немеркнуще звезды мерцают,
Льются ли кольца заветной звездой,
Там, где с Февронией Петр созерцают –
Смотрят сердцами на мир наш земной.

Если судьба не дала обвенчаться
Здесь, на Земле мне ни с кем из невест,
Может быть, там обрету свое счастье
С избранной в лоне у звездных небес?

Но если встану пред очи Господни,
Что я скажу, подступив к рубежу,
Если не знаю, как выбрать сегодня, –
Все мне милы – на кого укажу?

Встанут, лучась белизною наперсной,
Все мои милые с трепетом птах...
Я не венчался с земною невестой,
С кем повенчают меня в небесах?..

А еще я помню колыбельную –
Этой песни что теперь милей?
С ней мерцанье крестика нательного
На груди у матушки моей.

Помню я качания качельные,
Зов любовный материнских уст,
И, наверно, через колыбельную
Перенял язык я тонких чувств.

Я не знал, что песни будут разные,
Будет в них и крик, и грохот-гром.
Недруги на все и вся гораздые
Против будут петь, брать на излом.

Я не знал, что небо акварельное
Сумрак смерти где-то омрачал, –
Жизнь ударит с точностью прицельною
В область гармонических начал.

Но когда метется мгла метельная,
Со свету сживая словно прочь,
Помогает память колыбельная
Мне разлады в жизни превозмочь.

Не забуду нежность неподдельную
Рук и глаз из-под припухших век,
А еще я помню колыбельную –
Ту, что пела мама лучше всех.

Помню я какой-то новой памятью,
Проросло в душе ее зерно.
Если вы меня потом вспомняните,
С колыбельной только б заодно...

СОБОР

Собор из камня и мечты –
Свято-Успенский храм смоленский
В зените горней высоты
Нетленной вписан в небо фреской.

Седые главы-купола,
Озолоченные уборы!
Стезя к собору привела,
А им увенчан древний город.

Морской волной вливаясь в синь,
Вокруг себя собрав сирени,
Собор смиряет пыл гордынь,
Смоленск склоняет на колени

И возвышает до небес!
Овалы окон словно соты.
Храм окрыляет мир окрест
Всею устремленностью к полету.

С ним, набирая высоту,
Необходимую поэту,
Свои я смыслы обрету,
Что сберегут меня для Света!

Зовет соборный небосвод
В свои священные высоты.
Глотка бы мне от горних вод,
Божественной для слуха ноты!..

Душа стонет в мятеже,
А храм при ней охранный рыцарь,
И соборованность в душе
Не даст на части ей разбиться.

...

Стоят, светлы собора своды,
Я в нем и, стало быть, я дома.
Его епархия – свобода
Моей причастности святому.

Все для меня полно значений
Под бездной звезд, где млечный дым.
И сверху мне ковчег-кочевник
Мигает светом золотым.

А я все так же ногу в стремя –
Гоню Пегаса на Парнас.
Гармония – она в стремленьи
К ней, ускользящей от нас.

И не спасет чужих гармоний
Далекий отзвук проходной,
Пока свою струну не тронем,
Не кликнет в поиск непокой.

Но и неистовость стараний
Нам истин в лирике не даст, –
Поэзия тогда настанет,
Когда она охнет в нас.

ЗЛАТА ПРАГА

Злата Прага – прекрасным паролем
Прозвучат золотые слова!
И возникнут в глазах поневоле
Башен, каменных див кружева.

Что поведать желают века мне
Сквозь бегущую новую жизнь?
Над страстями гармония камня
Вознеслась, устремленная ввысь.

Вот где ты постоишь под часами
Хоть всю вечность в согласье с мечтой
И в размашку пройдешься шагами,
Как со свитой – людской суетой.

И влюбляясь в славянские лица
Пражских девушек или мадонн,
Ты захочешь о них помолиться,
От напастей поставить заслон.

Там, где скачут поющие птахи,
В недалеких, случилось, веках
Для искателей истины плахи
Возводили и жгли на кострах.

Мракобесьем губили науку, –
Уходила от гнета в подвал.
В испытаниях, пытках и муках
Все равно здравый смысл побеждал.

В мире так все непрочно и зыбко...
Пусть громады гармоний – гарант,
Что не свалят ни схватки, ни сшибки
Этот сказочный город-гигант.

Высочайшими нотами дерзко
И пленительно вновь запоет
Самый пражский и самый вселенский
Соловей всех времен Карел Готт!

Добрым духом святых страстотерпцев
И певцов будь хранима, жива,
Злата Прага! – с теплыню на сердце
Отзываются песней слова.

Я доставлен на Землю
Полюбить этот мир,
И апрельского шмеля
Мне приятен клавир.

Накись сока березы,
Кипень белых садов, –
Я от них, нетверезый,
Скинул ношу годов.

Вновь на звездные дали
Загляжусь я с крыльца.
Нет конца мирозданию,
И любви нет конца!

С каждым годом дороже
Мир, в который влюблен.
Вижу замысел Божий
В смене лет и времен.

И с душой-недотрогой
Я постигнул в свой срок:
Выше Бога нет бога,
Он единый – наш Бог.

От черемухи млечной
Вьюги в здешних садах,
И тревоги сердечной
Слышен отклик в мирах...

ПАМЯТИ ВИКТОРА СМИРНОВА

Пророчил ты: однажды впору
Костюм придется для локтей,
И будет яма, над которой
Заплачет русский соловей...

Над киселевской домовиной,
Над ямой – бездной среди бездн,
Склонился скорбный и кручинный
Мир деревенский русских бед.

А ночью лунный глаз вселенский
Направлен мудро и светло
На кут забытый деревенский,
Где сердце свой покой нашло.

Но не утратило просторы!
Травой прошепчешь: «Я вернусь!»
И будет песня, над которой
Заплачет вся святая Русь.

И половодьем хлынут воды,
И захлебнется птичий свист,
И будут звезды с небосвода
Слезами скатываться вниз...

Нередко мы на солнце стыли
И разжигали в стужу пыл...
– В душе темнее, чем в могиле, –
Однажды ты мне говорил.

Все в мире противоречиво,
А на Руси особь статья.
Из бездны выглянет пытливо
Чужой нам берег бытия.

И облик ивы или вербы
Нас отвлечет от гиблых мест,
И прочность почвы, образ веры
Помогут нам нести свой крест.

Со всех сторон давило бремя
И морок мрака обступал.
Чтоб расступалась эта темень,
Ее ты чаркой заливал.

И с полыхающей зарею
Готов обняться был как брат,
Да приподняться над землею,
Где братья мертвые лежат.

Душа гниет от мертвечины
И заражает все вокруг...
А ты губами и малиной
Спасался с милюю в досуг.

Но о хозяйке мира Смерти
Ты ни на миг не забывал,
Ее в житейской коловерти
Ты закликал и заклинал.

Перебирал слова, как святцы,
И для нее стихи слагал, –
Чтоб ненароком не бояться,
Чуть ни флиртуя, с ней играл.

Но становилось все темнее
В душе... на время алкоголь
Спасал – писал уже смелее,
И «Смерть» – звучало как пароль.

Со Смертью можно заиграться,
К ней обращаясь зовом слов.
А мы ведь все-таки не старцы,
Пусть побеждает в нас Любовь.

Она одна от скверны душу
Спасет и вытянет из мглы,
Не даст гармонию нарушить,
Когда сиротства мы полны.

И Смерть пришла – тебя ребенком
Вновь положила в колыбель...
И понесла в твою сторонку,
Где спит колодезь-журавель.

Спустила вглубь бездонной ямы
На берег инобытия...
Свои там есть, должно быть, храмы,
Их от земных людей тая.

Не знаем: что на берегу том,
Известной Леты ли – реки,
А здесь росистым перламутром
Покрылись ленты и венки...

Ты не забудешься Вселенной.
Она другому передаст
Труд вдохновенный и поденный,
Освоенный Поэтом пласт.

Трава забвенья или замять
Не все возьмут, сомкнут под спуд, –
Есть та особенная память,
Что во Вселенной не сотрут.

Та память – в каждой отразившей
Наш мир бусинке у росы.
Качаясь, каждый миг наш бывший
В природе меряют весы.

Их чутко чувствуя, пророчил.
И вот земляца забрала...
И занавесил полог ночи
И рос, и рек все зеркала...

Я есмь язык славяно-русский, –
Вновь насылают град и гром,
В крови запекшиеся сгустки
Есть в каждом корне смысловом.

Равноапостольные братья
Меня кириллицей своей
Не зря крестили от зачатья
На вечность свято-славных дней.

Всей жизнью самоутверждаясь,
Сквозь мир и войны пронесен,
С врагами ярыми сражаясь,
Никем я не был побежден.

И ни свои, ни иноземцы,
Ни иноверцы всех мастей
Не поразят прицельно в сердце,
Не припасут мне пропастей.

Течет ручей мой вечной речью,
На всю вселенную звеня,
Сквозь все майдановые вече,
Сквозь все запреты на меня.

Течет Славутичем и Волгой
К морям и гнет свой гибкий стан,
Течет-вливается под Богом
В один единый Океан.

Под чьей эгидой, чьи бы гидры
Взять ни пытались на излом, –
Пожалуй, все перед Аидом
Предстанут, жалкие, с узлом.

Для них диагноз по-латыни
Поставят и – прощай навек!..
А мне – в полыни ли, в кручине –
Свой соколиный править верх.

В зенит взорлили, прямо к солнцу
Меня и Пушкин, и Толстой.
Едва ли мне оттуда к донцу
Низринуть – слиться с пустотой.

Я есмь язык славяно-русский,
Всем именам благодаря
Я в восхожденье, не на спуске,
Я воскресаю – как заря!

ВЕРА СУХАНОВА

ЦВЕТЫ

Жизнь моя – сплошная аномалия,
Ну, а проще – недоразумение.
Но цветет в ней белая азалия,
Мне на радость, всем на удивление.
Я не вижу грустные реалии
И проблем бесчисленное множество,
Потому что белая азалия
Затмевает пошлость и убожество.
И полна святого благодушия,
В пору ее долгого цветения
Бранных слов не слышу и не слушаю,
Слышу только ангельское пение.
Так вот и живем с ней в беспечалии,
Любованьем счастлива на деле я.

А как только отцветет азалия,
Зацветет сестра ее, камелия.

ГОРОД РУСАЛОК

Это не город, а водоем,
И у дождей в плену
Люди, как рыбы, плавают в нем.
Или идут ко дну.

Кровью холодной из вен и жил
Северных стылых рек
Город накрыло и всех, кто жил
В нем. И строил Ковчег.

Серое небо над головой
Сеет унылый свет.
Твари по паре спасает Ной,
Ну, а непарных – нет.

Город русалок шерит зубцы
Старых башен, домов.
Всяк одинок – и в воду концы,
Сгинул – и был таков.

Люк Ковчега задраен давно.
Дождик снаружи сник.
Слышно только: скребется о дно
Острый рыбий плавник.

СТАРАЯ БАШНЯ

Река забвенья сносит сети,
Лишает воли и ума.
Там, где тепло, все тонет в Лете,
Ну, а у нас течет Зима.
Она засыплет створ у башни,
В которую когда-то мы
Искать ходили день вчерашний,
Пугаясь призраков и тьмы.
Под сводами металось эхо,
Там пятый век шел смертный бой,
И сверху сыпались в прореху
Потоки крупки ледяной,
Колючие, как струйки крови,
Давно замерзшей в облаках.
Скрипели доски ветхой кровли
И сковывал животный страх,
Гнетущий, застарелый, вязкий,
Застрявший здесь с тех самых пор,

Когда в кровавой свистопляске
Сек ляхов боевой топор.
Пространство начало сужаться.
И чтоб не сгинуть, не пропасть,
Нам оставалось – целоваться,
Впервые в жизни, пылко, всласть.
С испугу – не по зову плоти –
В тот вечер испытали мы
Мощнейшее оружие против
И страха смерти, и зимы.

Чтоб не остаться на мели,
В конце или в начале мая
Уходят в сумрак корабли,
Песочный замок разрушая.
На палубе искрят огни,
Идет лавиною удача,
И входят медленно они
В порты немых, глухих, незрячих.
Их флагман – шулер, лиходей –
Играет в черепа и кости.
Он был последним из людей,
Но первым стал, взойдя на мостик.
Не знают за собой вины
Матросы призрачного флота.
Убогие обречены,
На них давно идет охота.
Орудия расчехлены,
Привязаны веревки к реям,
И головы, как кочаны,
Хрустя, слетают с тонкой шеи.
Когда утихнет стон калек,
Команда выгребет на сушу,
Чтоб отыскать там не ночлег, –

Свои потерянные души.
И уязвимость, как парша,
Их изнутри однажды сложет.
Навек потеряна душа,
Но боль фантомная тревожит.
И будут жить – в глазах тоска –
Они бесчисленные годы,
И строить замки из песка,
И ждать у моря непогоды.

НИТЬ

Сложить созвучия в слова,
Слова – в соцветия значений,
Сплести венки стихотворений,
В архипелаги острова
Соединить; спаять, скрепить
Пути земные – в анфиладу.
Я – нить, и на себя мне надо
Низать, собою все прошить.
Сложить из крошева узор,
Из тьмы невнятицы – орнамент,
Из снов – сознания фундамент,
Соткать гармонии ковер,
Чтоб не распасться, не пропасть
В воронке хаоса и пепла,
Чтобы голубка-мысль окрепла
И в терем к Богу вознеслась.

ЛЮБОВЬ СЕРДЕЧНАЯ

Трудно устоять на шаре.
Вот раскину руки-крылья
(Только бы не помешали,
Не смешали сказку с былью!),

Дотянусь до небосвода,
Взглядом зацеплюсь за звезды...
Вот она, моя свобода!
Пусть кричат: «Куда ты?» Поздно!

Улыбнусь друзьям задорно,
Тем, что вслед: «И мне! И мне бы!»...
На Земле стою я твердо,
Только устремляясь в небо!

КРЫЛЬЯ

Крылья совсем запылились: стирать и сушить!
Надо б погладить, да ладно (Была не была!),
Гладкость крыла не влияет на свойства полета –
Свойства полета влияют на гладкость крыла!

Я разучилась летать. И смеяться. И жить.
Я не летала давно: то тюрьма, то сума...
Ясность ума не влияет на степень удачи –
Степень удачи влияет на ясность ума.

Я полечу непременно: мне крылья даны!
Навык, возможно, утрачен... Восторг не забудь!
Мелочный быт не влияет на чувство свободы –
Чувство свободы влияет на мелочный быт!

КАЛИНОВ МОСТ

Вот река Смородина, вот Калинов мост.
За спиною – Родина, впереди – погост.
Стой, мой конь, не время! Тише! Погоди:
За плечами – бремя. Что там впереди?

Скоро враг появится, страшен, лют, хитер:
За спиною – палица, впереди – топор.
Задрожала, вроде бы, от шагов врага
Впереди смородина, позади ирга.

Стой, мой конь, терпение! Стой, не торопись:
Впереди – сражение, за спиною – жизнь!
Я у этой кромки буду не один:
Позади – потомки, предки – впереди.

Вот несется Чудище прямо на меня:
За плечами – рубище, впереди – броня.
Сердце, успокойся, бой идет за жизнь:
Позади: «Не бойся!», впереди: «Держись!»

Ну, вперед, Савраска! Да не подведи!
Впереди – развязка, сказка – позади.
Что мне осторожность! Я давно привык:
Впереди – возможность, позади – тупик.

Ближе, ближе, ближе. Слышу треск копыя.
Падаю и вижу: враг мой это...

МЕТЕЛИ

Что вы, метели, так жалобно воете?
Холодно? Страшно? Темно?
Я помогу вам (Не плачьте же, полноте!):
Ставлю свечу на окно...

Ну, подходите, погрейтесь, родимые,
Вам одиноко в ночи.
Я расскажу вам про дождь, про озимые...
Не опасайтесь свечи!

Летом, вы верите, звездочки падают
С неба и прямо в ладонь,
Ветры ласкают, и радуги радуют...
Не загасите огонь!

Летом метели кружат тополиные,
Летом я снега хочу...
Эх, вы, метели, тоскливые, длинные,
Не загасите свечу!

Впрочем, метели, вы можете маяться,
Плакать, рыдать, голосить:
Свет на душе непременно останется,
Вам его не загасить!

Я ДОЖДУСЬ

*Моей бабушке,
которая всю жизнь ждала с войны мужа,
прислушиваясь к каждому шороху...*

Жди меня и я вернусь...
К. Симонов

Я дождусь, я дождусь, непременно дождусь.
Вот сейчас заскрипят половицы...
Нет, сначала калитка. Не смазана. Пусть!
Пусть скрипит, и такая сгодится.

А потом сапоги захрустят по песку,
Каблуки застучат по ступеням,
Брякнет ковшик по кадке, отведашь кваску,
Крякнет дверь, отворенная в сени...

Я дождусь, я дождусь, непременно дождусь!
Задохнется от счастья калитка.
Ты сказал, уходя: «Жди, родная, вернусь...»
Я дождусь! Похоронка – ошибка.

Пусть от меня ты далеко, мне что за дело!
Ты помнишь, ласточка крылом тебя задела?
Умыла каплями дождя, утерла ветром.
Светила в сумраке тебе закатным светом.

Ты слышал, я тебя звала раскатом грома?
Ты помнишь, гладила тебя ладошкой клена?
Кивала (Видел ли?) тебе цветком ромашки.
К тебе ласкалась я теплом твоей рубашки.

Я убаюкала тебя ручьем у ивы
И наказала как-то раз листом крапивы,
Однажды полною луной вослед глядела...
Пусть между нами города, мне что за дело!

АНАСТАСИЯ САМОФРАЛИЙСКАЯ

ЖЕНЩИНЫ ИЗ ДЕТСКОГО САДА

Я поставил сумку в багажное отделение и сразу забрался на вторую полку. Настроение было паршивое. Вчера на дне рождения у приятеля я определенно перебрал. Жена с трудом довела меня до дома, а утром устроила скандал невзирая на пятый месяц беременности и то, что волноваться в таком положении ей противопоказано. Она кричала, что перед командировкой не следовало столько пить и не желает, чтобы у ребенка отец был алкоголиком

Интересно, когда мы с ней расписывались месяц назад, она вела себя совсем по-другому, хотя и раньше ей не раз приходилось сопровождать меня домой, со всеми вытекающими из этого последствиями. Мы и познакомились-то с ней в кабаке, но ведь молчала, потому как я не бедный парень: с квартирой и заморской тачкой.

«До замужества все женщины – ангелы, откуда же тогда берутся жены-фурии», – вспомнил я прочитанную где-то фразу.

Голова трещала, а тут еще проклятый плацкартный вагон.

Всегда беру купе или спальный, но в этот раз не было билетов, а в Москве дел – невпроворот! Как я все выдержу!

Симпатичная светловолосая девушка заняла нижнюю полку. На вид ей было лет двадцать. Наверно, студенточка какого-нибудь московского вуза. Очень уж интеллигентное личико.

Поезд тронулся. Два места напротив и два боковых остались свободными. Это придало мне оптимизма.

Я решил чуть попозже договориться с проводницей, чтобы разрешила перебраться вниз. Может,

оклемаюсь, познакомлюсь с попутчицей, и в ближайшие два вечера в Москве не придется скучать одному в гостинице.

Я закрыл глаза и, кажется, даже задремал на голом матраце.

Грохот и пьяные возгласы разбудили меня. Я лениво и недовольно повернул голову и увидел, что полку напротив занял молодой папаша с двумя маленькими девочками-близняшками, которым от силы было лет пять. На боковых местах тоже расположились два мужичка весьма сомнительного вида.

Я выглянул в окно, но какая станция – не понял, ясно было только, что это районный центр.

Несмотря на довольно поздний час, молодой отец, уже изрядно принявший на грудь, бодро поставил на стол двухлитровую пластиковую бутылку самогона и громко сказал:

– Присоединяйтесь, ребята. Вот с дочерьми от матери еду. Она у меня такой самогон гонит, что не оторвешься!

Попутчики с боковых полок резво пересели на нижнее сидение напротив нас со студенточкой.

Я сдержанно отказался и брезгливо отвернулся к стене. После дня рождения приятеля, где мы пробовали исключительно дорогие напитки типа виски, мне было смешно подобное предложение.

«Никогда больше не поеду в плацкарте, – с досадой подумал я. – Теперь будет куролесить всю ночь».

Из его пьяной околесицы следовало, что этот мужик был на отдыхе в деревне у матери, а теперь едет в Курск, с пересадкой в Москве. Я решил выйти в тамбур покурить.

Мимоходом взглянул на хорошенькую студенточку с нижней полки.

Выражение ее лица было таким же недовольным, как у меня. Она успела взять постельное белье, но в глазах не было уверенности в спокойной ночи.

Трое мужиков уже выпили полбутылки самогона. Девочки-близняшки расположились на боковых сиденьях и играли с ободранной старой куклой. Я внимательно рассмотрел их.

Грязные байковые кофточки обеих напоминали застиранные распашонки, на которых кое-где встречались пуговицы. Черные юбчонки уже были коротки для детей этого возраста. Красные колготки, оттопыренные в коленях, висели на худящих ножонках. Но две коричневых курточки, сшитые из старой плащевой ткани, сестры аккуратно повесили на крючок.

Я не сентиментален, могу и резко разобраться в случае надобности, но зрелище было до того жалкое, что я почувствовал, как на глаза навернулись слезы.

Жена права, вчера вечером я явно перебрал. Видно, никак не оклемаюсь.

Покурив в тамбуре, я направился в вагон. Проходя мимо купе проводницы, решил взять все-таки постельное белье.

Когда женщина узнала, с какого я места, она сочувственно покачала головой:

– Беспокойная ночь вам предстоит. Высадила бы эту компанию, да детей жалко.

Я только пожал плечами и, молча, пошел к себе.

Невольно вспомнился вчерашний вечер. Может, и я в тот момент выглядел не лучшим образом. Что виски, что самогон в больших дозах – конечный результат одинаковый.

Время подвигалось к двенадцати. Студентка лежала с закрытыми глазами, но по напряженному выражению лица я понял, что она не спит.

Близняшки уже не возились с куклой, а положив головки на стол, сидя спали.

Я сделал вид, будто меня это не касается и стал застилать постель.

Между тем пьяные мужики решили, что настало самое подходящее время для хоровой спевки и затаили невпопад «Ой, мороз, мороз».

Из-за стены послышались ругательства, и несколько пассажиров во главе с проводницей прибежали к нам.

– Это безобразие! У меня пятилетний ребенок спит, а вы глотку дерете, – возмущалась одна из женщин.

– Да у него самого двое малюток по лавкам и ничего, – огрызнулся один из собутыльников.

– Как не стыдно, – вмешалась проводница. – Хоть бы дочерям постель взял!

– Спокуха, – пьяно махнул рукой молодой папаша. – Щас возьмем. Что у меня денег нет!

Он неловко полез за пазуху и вытащил скомканные рубли.

– На!

Затем, выбравшись из толпы, непутевый отец бесцеремонно растолкал спящих детей.

– Машка, Дашка, сходите с тетей за постелью.

Близнецы моментально вскочили. Проводница направилась в свое купе, и двое других собутыльников тоже поплелись за ней, повторяя:

– Расходитесь, товарищи, мы уже закончили.

Молодой отец поспешил укрыться в тамбуре. Пассажиры успокоились и отправились спать.

Я свесился с полки и стал наблюдать, как возвратившиеся пятилетки старательно расстилают простынь и вправляют подушку в наволочку. В их движениях не было даже намека на неумение. Они привыкли, видимо, сами заботиться о себе, не ожидая ничьей помощи со стороны.

Сняв с ног потертые туфли, сестры аккуратно поставили обувь под стол, в дальний угол, чтобы никто

на нее не наступил, и легли валетом, прижавшись к стенке, умышленно оставляя место, чтобы их непутевый отец мог сесть.

Несмотря на чуть ли не младенческий возраст, девочки казались взрослыми не по годам.

«Прямо две маленькие женщины из детского сада», – с горькой иронией подумал я и невольно скосил глаза на молоденькую студенточку. Она тоже не спала и наблюдала за детьми.

Вернулись двое мужчин с боковых мест и, стараясь не шуметь, быстро расстелили постели, улеглись и почти сразу же захрапели.

Отца близняшек все еще не было.

Я закрыл глаза и попытался заснуть, мысленно повторяя, что меня это не касается. Но не спалось. Симпатичная девушка с нижней полки тоже беспокойно ворочалась.

Наконец, около двух ночи, возвратился непутевый папаша. Он сел за стол и принялся пить в одиночестве.

Я отвернулся к стене и задремал. Несколько раз за ночь я, просыпаясь, видел, как мужик осушает стакан за стаканом. Под утро он опять куда-то ушел.

Поезд подъезжал к Москве, и проводница будила пассажиров. Я посмотрел с верхней полки вниз. Симпатичная попутчица уже привела себя в порядок, сдала постель и наблюдала за близнецами. Девочки самостоятельно, очень аккуратно сложили простынь и одеяло, сняли наволочку и отнесли проводнице. Затем из старой, драной сумочки, куда была засунута кукла, с благоговением достали два красивых бантика на заколке-автомате и расческу.

Маша, а может, Даша осторожно распутывала жидкие волосики на своей голове, а ее сестра не переставала восхищаться заколкой, хваля бабушку за такой щедрый подарок.

Наконец, первая девочка причесалась и отдала гребешок второй. Хвостик был заколот настолько косо, что мне захотелось его поправить, и лишь соображение: мужчине не пристало заниматься подобными глупостями – удерживало меня.

Зато студентке, видимо, это показалось не безразличным. Она подозвала близняшку, которая причесывалась, взяла у нее расческу и с материнской лаской пригладила и заколола волосы.

Тотчас вторая сестричка стянула бант со своего хвостика, бормоча, что он плохо сидит, и с надеждой посмотрела на добрую девушку.

Студентка причесала и ее.

Глядя на их посветлевшие от радости личики и трогательную возню, затеянную, чтобы привлечь к себе внимание окружающих, я подумал: как мало, наверно, выпало нежности на долю этих детей, и что же у них за мать, если не побоялась отправить дочерей с таким отцом так далеко?

По выражению лица миловидной студенточки я понял, что она тоже об этом размышляет.

Ночные собутыльники отца девочек проснулись, собрали и пошли сдавать постельное белье. Я тоже поспешил за ними.

Когда вернулся, то увидел молодого папашу в стельку пьяного. Он сидел у окна и глупо улыбался, а маленькие женщины из детского сада суетливо составляли в ряд сумки, чтобы ничего не забыть в вагоне.

Проходившая мимо проводница недовольно бросила взгляд на отца близнецов и сказала:

– Смотри, детей в метро не потеряй.

– Эх, – с удалью беспечно махнул рукой тот.

Поезд остановился. Пассажиры двинулись к выходу. Я не спешил, давая возможность пробке рассосаться и, в тайне, надеясь все же познакомиться с симпатичной попутчицей.

Мимо прошла женщина с хорошо одетой маленькой девочкой, которая была ничуть не старше двух сестренок и сжимала руку матери, капризничая, что ей не такую новую куклу купили, как она хотела.

Я взглянул на близняшек. Они держались с двух сторон за ручки ободранной сумки, собираясь тащить ее вдвоем. Из сумки торчали облезлые ноги старой куклы.

Наконец, пьяный отец, шатаясь, поднялся, подхватил свой багаж и, не глядя на дочерей, двинулся к выходу. Девочки вприпрыжку поспешили следом, боясь потеряться в толпе.

Встала и моя попутчица, но я так и не решился заговорить с нею.

Как поздно она мне встретилась, эта нежная, ласковая девушка!

Кто знает, может, если бы я не надирался виски с приятелями до беспамьятства, и мне не пришлось бы жениться, потому что НАДО, я бы осмелился познакомиться.

А так где-то далеко меня уже ждал мой еще не родившийся малыш...

ЛЮДМИЛА КОЛЕСОВА

ЛЮСЯ

Он бежал по изрытой артобстрелом земле, по черному от копоти снегу, прижав к груди израненную, задыхающуюся медсестру.

– Держись, Люся, – шептал он, – только держись. Осталось немного...

Раненная осколком снаряда в грудь, наспех перебинтованная медсестра судорожно хватала ртом воздух.

От быстрого бега перехватывало дыхание. Снег, попадающий в разгоряченное лицо лейтенанта, таял и стекал струйками по лицу. Он падал, соскальзывая в незамеченные воронки, увязая в глубоком снегу, но бережно удерживал девушку на руках. Вставал и бежал дальше. До медсанбата было уже недалеко. Выбившись из сил, лейтенант положил девушку на снег и опустился рядом на колени. Люся лежала тихо, уже не было слышно ни стонов, ни хрипа. Бинты набухли от крови. Он позвал ее по имени, но она не ответила. Приложив ухо к груди медсестры, он услышал только свой прерывистый пульс.

Лейтенант еще не верил, что смерть уже провела между ними границу, разлучив их навсегда...

– Люся! – закричал он. – Не умирай! – и не узнал своего голоса. Он приподнял девушку за плечи и встряхнул. Голова медсестры безжизненно откинулась назад.

– Не уходи, Люся, – в отчаянии прошептал он... Она лежала, запрокинув голову, не подавая признаков жизни. Снежинки падали на ее лицо и таяли все медленнее...

Лейтенант упал рядом, уткнулся лицом в снег. Из его горла вырывался хриплый, протяжный стон...

Смерть не смогла разлучить их. Люся осталась любимой...

Это неверно, что человек начинает помнить себя с 3–4-х лет. Многие помнят себя и с более раннего возраста. Первое мое воспоминание, это когда мама в первый раз приложила меня к груди. Если сказать, что мне это не понравилось, это значит не сказать ничего. Я сопротивлялась, мотала головой и выталкивала сосок изо рта. Я чувствовала отвращение во всем теле, до содрогания, до тошноты, и этим обрекала себя на искусственное вскармливание. На Камчатке, где я родилась, свежее молоко – редкость, а было только стуженное и замороженное в большие ледяные блоки. Позже мать мне тоже рассказывала о моем упорном отказе от груди.

Поселок, в котором располагалась воинская часть, где служил мой отец, находилась недалеко от большой бухты «Эмма». И как-то повелось, что всех рождающихся здесь девочек называли Эммами. Но отец решил категорически, одним голосом, что звать меня будут Людмилой. Несмотря на отчаянное сопротивление моей матери, он жестко настоял на своем.

Я не догадывалась, какую роль сыграет это имя в моей судьбе, но, повзрослев, я поняла, какую глубокую незаживающую рану в душе моей матери оставил этот поступок отца.

Горечь ее молока, как и горечь ее раны, обернулись годами отчуждения и неприятия, которые были выстраданы моей детской душой и стали моей безответной и горькой любовью и невыносимой болью всей моей жизни.

Долго не знала я, да и не задумывалась, о происхождении своего имени. Мать или молчала в ответ на мои вопросы, или переводила разговор на другую тему, отец тоже уходил от ответа. Он вообще не любил рассказывать о войне, а я не подозревала, что мое имя может быть как-то связано с войной. Мне стоило больших трудов узнать хоть что-нибудь о заслуженных им

в боях многочисленных орденах и медалях. Но однажды этот день наступил. Видно, отец решил, что я выросла до того, чтоб это понять.

Его рассказ был скуп, как мужская слеза, но глаза светились таким светом, которого я не видела раньше никогда. Моя душа впитывала его слова, как губка. Я, как одинокая, беззащитная птичка, прижалась к нему и внимала каждому его слову: и бежала вслед за ним по глубокому снегу далекой, незнакомой войны, и плакала вместе с ним над его Люсей...

Только краешком души прикоснулась я к той войне, к судьбам и любви тех, кто вынес всю ее боль, все ее тяготы и утраты, вынес и одержал победу. Прикоснулась и осталась на всю жизнь сопричастна ей.

АЛЕКСАНДР КРЯЧУН

БЕС

Этот небольшой участок местного канала, который называли Арыком, был мрачным. Там, где начиналась завеса пасмурности, светлая вода будто надевала черный чулок, который торчал из мохнатой штанины бесовского одеяния. Длинные ветки верб купали свои узкие листья в темной воде. Даже если раздвинуть темно-синий занавес густой листвы, все равно чистоты в гуталиновом течении тихого потока видно не было. Но не только чернью, похожей на преддверие бездны, пугал этот участок. На противоположном берегу стояла обитель таинственного старца, по прозвищу Бес.

За узким мостиком, где была брешь просвета, виделась косая избенка, покрытая деревянными, фиолетовыми от сырости, досками. Окна были всегда закрыты ставнями. Даже не ставнями, а вертикально прибитыми горбылями, через которые никогда не просвечивались полосы света. Только в единственном окне, которое выходило к Арыку, среди черных досок, по вечерам светилось матовое круглое пятно – это было отверстие от выпавшего сучка.

Хозяин лачуги был похож на изломанный ящик из-под помидор, как и его пристанище. Лохматая белая борода доходила до пояса. Выцветшая толстовка, которая его роднила со Львом Николаевичем, была перепоясана веревкой, вручную сплетенной из ворса, надерганного из незрелых хлопковых коробочек с колхозных полей. Прозрачные волосы на голове торчали, будто впопыхах свитое воронье гнездо. Правое плечо было выше левого. На бесцветных глазах, обрамленных красными кругами бессонницы, не было зрачков. Будто смотрел он безликими бельмами

на белый свет сквозь толщину двойных очковых стекол. Но как бы ни горбила этого старика тяжесть лежащей на нем жизни – в его фигуре просматривалась невидимая скрытая стать, которая бывает только у строевых офицеров, вымуштрованных с малолетства в школе юнкеров. Но эта догадка пришла позднее, когда тайна Беса неожиданно открылась.

Выходил он из своего логова всегда с сучковатым высоким посохом. Шуршал по пыльной тропинке огромными галошами, надетыми на босую ногу, и шел к чайной.

– Бес идет! – начинали шептаться подвыпившие мужчины за столами.

Разговаривал Бес с достоинством барина, произнося своим величаво-властным голосом витиеватые фразы, которые мало кто понимал. Его выпученные, безликие глаза смотрели через двойные линзы круглых очков, не мигая. Он подходил к столу, где выпивали мужчины, говорил ежедневно одни и те же слова: «Гибель лакаете! Бога забыли! Превращаете светлый праздник жизни в хмельную дурь! Вы не живете, вы существуете!», но не услышав ответа и не найдя собеседника для философского спора, поворачивался и уходил.

– Ушел Бес! – облегченно вздыхали пьяные мужчины. Они совершенно не понимали его нравоучительных нотаций. Им, прошедшим страшную войну, победившим Гитлера и возвратившимся в тишину жизни, пусть даже не к своей обители, никто не мог указывать: как жить, что пить и с кем сидеть за одним столом. Только благодаря тому, что Бес был старше по возрасту, а уважение к пожилым людям исполнялось свято, никто не перечил его нравоучениям. Все знали, что завтра повторится все до мелких подробностей. Только подойдет Бес к другому столу.

Возвращался к себе он еще медленней. Пыллил тропинкой и стучал посохом.

Проходил через мостик и долго возился с множеством засовов. В конце всех таинств отпирания и запираания прислонял к калитке свой посох и скрывался в сених. Дальше уже никто не знал, что пряталось за невидимой дверью, от которой слышался только визжащий шум...

В его доме обитало еще одно существо, не менее таинственное, чем сам Бес. Было оно его дочерью, женой, сестрой или просто домохозяйкой – невозможно было даже догадаться. Вместе они никогда не ходили, подтверждая этим подозрение в том, что у них были одни очки и пара галош на двоих. В отличие от старца имя у этого существа было. Ее звали тетя Соня. Единственное, куда она ходила, шаркая огромными галошами, – это на почту, получать газеты. Иногда заходила в книжный магазин, спрашивала у продавца «Конституцию СССР» и, получив отрицательный ответ, возвращалась в свой дом.

Год от года эта загадочная семейка не менялась ни возрастом, ни одеждой, ни галошами, которые носились зимой и летом.

Учеба в школе подходила к концу. Считались мы уже взрослыми. С нами начал здороваться участковый Марока и бабка Груня, по прозвищу Яга. Она перестала обзывать нас «бугаями сказженными». К экзаменам мы готовились у тихой одноклассницы Ильмиры, которая панически боялась окончания учебного года. Она не представляла, что будет делать после получения аттестата зрелости, а выходить замуж ей было еще страшнее, чем сдавать экзамены. Обычно у нее мы засиживались дольше всех с соседом Юркой, который окончил школу в прошлом году и ходил к красивой

моей однокласснице отнюдь не для повторения алгебры и литературы.

Майские вечера были теплыми и тихими. Дехкане, спать ложились рано, чтобы до восхода солнца, еще при спящих петухах проснуться и в прохладе начать очередной трудовой день.

– Засиделись Вы что-то, ребята? – с прямым намерением на конец общения сказала Ильмира в полночь, открывая дверь в ароматную свежесть полнолуния.

Собаки знали наши шаги и наш запах. Стояла какая-то молитвенная тишина, которая бывает только весной, когда земля отогрелась и будто натянула вновь на себя одеяло, чтобы досмотреть красивый сон. Течение воды Арыка звучало как глотание молока младенцем. Мы подходили к темной аллее. Вдруг из густого переплетения вербных веток, слизывая тишину, послышалась музыка. Она исходила откуда-то снизу, будто ей пережимали рот. Юра тронул меня за плечо:

– Слышишь? Играет патефон. Такого никогда не было, сколько мы здесь ходили. Это у Беса.

Мы остановились против светлого пятна, вылезавшего из досок, которыми было заколочено окно. Нас разделяла только двухметровая ширина Арыка.

– Давай заглянем в дырку, – предложил Юра.

– Да ты что? Не хорошо подглядывать. Да и высоко. Не достать.

– Ты легкий. Сядешь мне на плечи. Взглянешь одним глазком и сразу слезешь. Потом расскажешь.

– Так два глаза в эту дырку и не поместятся!

Друг разулся, спустился в канал. Я влез к нему на плечи и прильнул к таинственному отверстию.

Танцующих под патефон, эту странную пару, я мог бы представить. Но то, что я увидел, было вершиной мечты каждого пацана нашего селения. Рот от удивления открылся сам по себе, и я весь ушел в зрение и слух.

Просматривалась половина небольшой комнаты, оклеенной газетами. Под оранжевым бумажным абажуром на потолке висела керосиновая лампа. За столом стоял... одетый в парадный китель самый настоящий царский генерал. Свет от лампы, падающий сверху, вызолотил ордена и эполеты, стократно увеличив их свечение, что их блеск через узкую щелку врзался в глаз. В его правой руке светился бокал с прозрачным напитком. На столе стояла большая зеленая бутылка и, наверное, золотое блюдо, на котором лежала серой грудой картошка в мундире и кочан вареной капусты. Софья сидела в белом платье, черной шляпке, с которой свисала сеточка на ее опухшие глаза, и восторженно смотрела на благородного генерала сквозь лорнет, который отражал в себе золотистый свет от керосиновой лампы. За ее спиной играл патефон. Голос Беса заглушался звуками музыки, в которых довольно четко слышались слова: «Боже, Царя храни...».

Но вот головка звукоснимателя подползла к краю пластинки, затих звук, и я отчетливо услышал слова Беса:

– За батюшку нашего. За Его Императорское Величество! Слава! Слава! Слава! – в это время он повернулся и протянул руку с бокалом к портрету, висевшему на стене. На нем был изображен красивый мужчина с бородой, одетый в военный мундир.

Пил он содержимое бокала медленно, явно наслаждаясь неведомым напитком. Запрокинутая голова будто приняла в себя нектар жизни, потому что Бес стал непохож на себя. Это стоял стройный исполин, увешанный крестами храбрости, а перед его высокопревосходительством сидела, склонив голову дама, помахивая веером у своего белого лица, закрытого черной вуалью.

Вдруг он повернул голову и посмотрел прямо мне в зрачки. В его взгляде были собраны грусть,

потерянность и одновременно ярость, которые сконцентрировались в ступок и выстрелили в мой зрачок.

Я свалился с Юркиных плеч. В глухой ночи всплеск был так громок, что несколько собак недовольно рыкнули.

– Бежим. Он засек нас.

Это была, конечно, ложная тревога. Не мог меня видеть царский генерал из светлой комнаты в темной дырке от сучка, величиной с две копейки.

– Ну, что там видел? Рассказывай! – начал допытываться Юрка, когда мы выбрались на берег и пошли от темной аллеи, роняя с мокрых ног кусочки влажной пыли.

– Да ничего. Хоронили или поминали кого-то.

– А музыка тогда зачем?

– А может быть, и день рождения!

– Совсем не понял.

– А что понимать? Кушали они. Скучно им, вот и крутят патефон.

Что увидел я, больше не узнал никто. Это было перед началом выпускных экзаменов. Я знал, что уеду от Родины и тайну увезу с собой. Вскоре, порывшись в библиотеке, я нашел причину праздника этого дня в доме Беса. 18 мая 1968 года исполнилось 100 лет последнему императору России Николаю Александровичу Романову.

НАТАЛЬЯ ТОЛБАТОВА

ИГРЫ НАШЕГО ДЕТСТВА

Классики

Девчонки семидесятых,
вы в детстве играли в классики?
Вы прыгали беззаботно
по клеточкам день-деньской?
А в это время на полках
пылились мудрые классики,
чуть сумасшедший Гоголь
и бородатый Толстой.

Девчонки семидесятых,
тогда вы меня поймете,
как тянет в апреле на улицу
тетеньку за пятьдесят
быть не приземленной курицей,
а ласточкою на взлете
и в семь незабвенных клеточек
разрисовать асфальт.

И, бросив стекляшку в первую,
пропрыгать легко до «солнца»,
и, развернувшись лихо,
вернуться, чтоб все повторить.
И в самую среднюю клеточку
увидеть, словно в оконце,
свое беззаботное детство,
которое не вернуть.

Девчонки семидесятых,
давайте тряхнем стариною,
тринадцатилетним старушкам,

уткнувшись в Интернет,
покажем, как весело прыгать
апрельской весенней порою,
что лучше игры, чем классики,
на всем белом свете нет.

Штандер

Еще мы играли в штандер
Веселый с друзьями своими,
И правила долго не нужно
Сегодня мне вспоминать:
Подбросить мячик повыше,
Крикнуть чье-нибудь имя
И всем потом врассыпную
Как можно дальше бежать.
Мы с Вовкой кричали друг друга,
Снося терпеливо насмешки,
Еще не совсем понимая,
Что значит слово «любить».
Хотелось родное имя,
Пусть торопливо и в спешке,
Но абсолютно законно
Раз десять подряд повторить.
Не знаю, кто был этот Штандер,
Должно быть, еврей головастый...
Я так ему благодарна
За те счастливые дни!..
Нет Вовки давно на свете,
Но ярко в судьбе моей светят
И в радости, и в ненастье
Далекого детства огни.

Лапта

Поиграть бы сегодня в лапту,
Как когда-то в детстве играли!
Но боюсь, что свою мечту
Воплотить сумею едва ли.

Где партнеров сейчас найдешь?
Нужно их в той игре немало!
В Интернете сидит молодежь,
А друзей по земле разбросало.

Велика ты, азарта власть!
Мяч и бита из доски иль палки...
Из «деревни» чтоб в «город» попасть,
Высекаем и ловим дарки...

Как вчера все помнится мне,
Невзирая на памяти дали...
Мы сражались, как на войне,
«Города» сдавали и брали...

Добрым слово вспомнить лапту
Мне по жизни не раз придется:
Я взяла не одну высоту,
Потому что умела бороться.

ИВАН-ЧАЙ

Иван-чаем старые деревни
Зарастают до убогих крыш,
И лиловым пламенем объемлют
Горизонта трепетную тишь.

Здесь Иваны выходили в поле
Говорливой шумною толпой.
Звонко пели косы о раздолье
Утренней росистой порой.

И на этом поле деревенском,
Чтоб не пропустить фашистов рать
К древнему славянскому Смоленску,
Довелось Иванам умирать.

Здесь Иван Иванычи и Марьи
На себе тянули жизни воз.
– Потерпи, сынок, не вечны хмари,
Без войны-то выживем, небось.

Выжили, отстроились, запели,
Но какой-то ветер перемен,
Что сродни февральской злой метели,
Выдул в город из родимых стен

Всех Иванов молодых, плечистых
Как-то разом, словно невзначай...
В деревнях измученных российских
Нет Иванов, только иван-чай...

БУМАЖНЫЙ ЗМЕЙ

Подари мне бумажного змея,
Их сейчас вдоль дорог продают.
Я поднять его в небо сумею, –
Опостылел квартирный уют.

Понесусь по цветистому лугу,
Будет змей о свободе молить,
Одуванчиков белую вьюгу
Я смогу на бегу сотворить.

Рвется змей, словно вольная птица...
Что увидел он там, за чертой
Горизонта? Ах, как насладиться
Я хотела бы с ним высотой.

Но уже в облаках не витаю,
Нет на сердце бывшего огня.
Змей бумажный, лети, – отпускаю,
Полетай в вышине за меня.

Ах, бескрылые, вы не грустите,
О несбыточном можно мечтать,
И хотя бы, как я, отпустите
Тех, кто хочет и может летать.

ТАТЬЯНА ХАРИТОНОВА

МАТЬ МУРКА

– Мурка! Где ты, старушка моя?

Хозяйка вошла в хату с полной кружкой парного молока. – А ты, Василина? Красотка! Завтракать! – Анна Петровна разлила молоко в кошачьи миски, стоящие на полу у печки. Она только что подоила Вишню и оставила банки с молоком у калитки. Сосед Виталик каждое утро собирал их по дворам и увозил в город на завод. Себе она молока почти не оставляла, разве только раз в неделю на творог да на маслице. Зато кошки ее, Мурка и Василина, молоко любили. Они обычно ждали утренней дойки, а потом бежали за ней, распушив хвосты. Когда она выходила из хлева, терлись об ее ноги, путались, да так, что однажды с подойником грохнулась посреди двора. Облила их молоком с ног до головы и сама облилась. Ох и ругала их тогда, выкручивая передник:

– Ну что, наелись, морды усатые?

А им – хоть бы что, разбежались по двору и стали первым делом вылизывать свои шубы натуральные. Мурка – та кошка с совестью, поняла, что хозяйке под горячую руку лучше не попадаться, а Василине хоть кол на голове теши – все одно. Ни один закон про нее не писан.

Сегодня кошек не видать. Странно, не случилось чего? Петровна еще раз позвала «кис-кис», а потом, повязав платок потуже, вымыла на кухне пол. Очень любила она это ощущение чистоты и свежести в доме. Пол заблестел, как новенький. Она устало присела у стола. Годы брали свое. Раньше за утро могла кучу дел переделать: на ферму сбегать, коров подоить. А их у нее было двадцать пять: Красунь, Ягодок, Милок, Белянок. Опять-таки, еды наготовить всем домочад-

цам, со своей скотиной управиться, детей в школу отправить. Дети выросли, муж умер три года назад, а она состарилась. Хотела Вишню свести со двора, почти решилась, а та, словно почувствовала, глянула в глаза, махнула белесыми ресницами да вздохнула так, что у хозяйки сердце чуть не остановилось. Так и живут они: бабка да живность ее – корова, две кошки да куры.

Смахнув несуществующие крошки со стола, она еще раз на всякий случай позвала кошек. Никто не откликнулся.

– Странно. Где их носит? Мух налетит на молоко. Вот заразы!

Так ворча, и пошла на огород бороться с лебедой и мокрицей...

А Мурка все слышала. Она лежала на подоконнике за шторкой, поэтому Петровна ее и не заметила. По заведенной своей привычке, аккуратно вылизала лапки и пушистый серый бочок, сладко зевнула и свернулась калачиком. Это обращение – старуха – совсем не нравилось. Какая она старуха? Прыгает еще, бегают, мышей ловит... хотя семнадцать лет для кошки – возраст. Охотилась она по-прежнему ловко. Только все больше ее стало раздражать то, на что раньше и внимания не обращала...

Солнечные лучи проливались на подоконник теплым дождем, и она блаженно щурилась, впадая в сладкую дрему. Вспомнив про молоко, приподнялась, потянулась, выгнула свою серую спинку колесиком. Спрыгнула с подоконника, подбежала к мисочке. Молоко было еще теплым. Она любила парное молоко, лакала его медленно, аккуратно – так, что ни одна капелька не проливалась на пол. Не то что Василина. Вокруг ее миски всегда было грязно. И если хозяйка вовремя не успевала убрать, тут же прилетали мухи и завершали ее трапезу. На этот раз миска Василины была полнехонька, самой красавицы не было, бегала с котами-басурманами (так их величала хозяйка) по деревне...

Позавтракав, выскочила через форточку на улицу. Хозяйка была на огороде, полола свои грядки. Мурка с ревизией сначала побежала к ней, посидела в разорке. Запах укропа смешивался со свежей землей, потревоженной Анной Петровной. Мурке порой казалось, что она видела, как растет трава. Надо было замереть и прислушаться. Внутри зеленой травинки кипела работа. Солнечные лучи и вода наполняли листочек, и он наливался, наполнялся, вытягивался прямо на глазах. Хозяйка была в постоянном движении, она никогда не замирала, разве у икон с теплившейся лампадкой. Оттого и ворчала недовольно, выдергивая твердыми, потемневшими от работы пальцами нежные стебельки лебеды, кудрявую мокрицу.

– Что, Мура? – хозяйка, охнув, разогнула свою больную спину, – Василина не появлялась? Иди, я там вам молочка налила!

Мурка поймала между делом зазевавшуюся букашку и оскорбленно потрусилась с огорода, мяукнув:

– Знаю про молоко, спасибо, конечно! А до Василины твоей непутевой нет мне никакого дела!

Удивительно, но ей было жаль этой растущей лебеды и мокрицы и совсем непонятно, чем эти пышные стебли отличаются от тех огуречных колючих плетей, жадно ползущих по грядке. Ей было жаль себя, труженицу и помощницу, до которой хозяйке и дела не было. Одна Василина на уме. Мурка пересекла муравьиную тропку, чуть не раздавив лапкой зазевавшегося муравьишку. Тот в последний момент увернулся, кувыркнувшись в сторону. Муравьев она тоже жалела – вечные труженики. Ни секунды из своей жизни они не проживали зря. Постоянно выполняли свою работу. Мурка понимала, что она с годами разленилась, часами лежала на солнышке или у теплой печки и грела свои лапки, которые все чаще у нее болели и ныли на смену погоды. Артроз, как говорила хозяйка, натирая свои коленки какой-то вонючей мазилкой.

У сарая на бревнышке, где обычно любила лежать Василина, было пусто. Это хозяйка придумала ей такое барское имя. Василина была барыней – пушистая, белоснежная, с зелеными малахитовыми глазами. Всю черную работу выполняла старая Мурка: ловила мышей, мух, залетавших в хату, встречала корову и даже гоняла кур, забегавших на грядки. Василина, а попросту Васька, гуляла с соседними котами, валялась на диване и приносила котят с четкой периодичностью. У Мурки котят давно уже не было. Она и забыла ту нежность, с которой вылизывала их шелковистую шерстку и учила всем кошачьим премудростям. Василина ее раздражала своей леностью и безалаберностью. А больше всего раздражали ее дети. Хозяйка всегда оставляла одного котенка, беленького, такого же красавца, как мать. Спрос на них был постоянный. Куда девались остальные, Мурка до сих пор не знала. В душе жил страх и тоска из прошлого, когда и ее котят так же бесследно исчезали.

Котенок Василины был таким же несносным, как и его мать: носился по хате, прыгал на стол, пока хозяйки не было, приставал к Мурке с бесконечными играми. Мурка отмахивалась от него лапой, а когда он был особенно бесцеремонным, позволяла себе легкую трепку. Когда котенок подрос, хозяйка отдала его внучке в город. Уж больно красивый был хлопчик. Его так и звали – Хлопчик. Может, потому, что шума от него было много – хлоп да хлоп. Все падало, все летало рядом с его беленькой пушистой мордочкой и быстрыми лапками. Ох, и устала она от этого Хлопчика. Матери было не до него. Она бросала ребятенка и бегала по соседним дворам, а он, бесхозный, приставал к Мурке, наводил беспорядки и ловил мух. Эту науку он подсмотрел еще маленьким. Однажды Мурка поймала муху, как обычно, виртуозно прыгнув за ней на полку. Хлопчик внимательно проследил

за этим круглыми глазенками-пуговками, а потом повторил прыжок, сбросив при этом стакан и кринку с молоком со стола, за что был нещадно бит полотенцем. Ох, и рада была Мурка, когда Хлопчика посадили в коробку из-под новых хозяйкиных ботинок и унесли в машину. В ее жизни наступил блаженный период тишины. Впрочем, ненадолго. Через неделю у Василины снова появились котята. Василина принесла их на чердаке, за балкой в уголке. Там лежали старые тряпки. У хозяйки разболелась спина, и она временно не могла залезть на чердак. Благодаря этому недугу, Василина стала многодетной матерью. Первые несколько дней она исправно кормила, вылизывала своих разноцветных чад. А на третий махнула по своим делам, оставив их одних. Котят было шестеро: три беленьких, два серых полосатика и один, неведомо откуда подцепивший свою расцветку, рыжий.

Мурка услышала писк рано утром, когда ловила мышь у сарая. Мышь любила подбирать зерна, оставленные курами. Она совсем потеряла бдительность и тут же попала в кошачьи когти. Мурка с утра подкрепилась парным молоком и была не голодна, поэтому свой трофей привычно положила у крыльца, для хозяйки. Пусть увидит лишний раз, что Мурка совсем еще не старуха и служит ей верой и правдой, в отличие от беспутницы Василины. Где же она подевалась? Такого не бывало, чтобы Василина пропустила завтрак. Да и дети у нее, вообще-то. Мурка потрусилась в хату. Дверь была закрыта, и она привычно впрыгнула через приоткрытую форточку. В хате было тихо. Свежевымытые полы сверкали. На стене тикали часики. Мурка легла на подоконник рядом с цветущим горшком розовой герани и стала наблюдать за стрелками. Одна прыгала, как кузнечик, другая медленно ползала по циферблату, и надо было долго щуриться, чтобы уловить ее движение. Это было не так интересно, как

наблюдать за растущей травой, и Мурка обычно засыпала за эти занятия. Но сейчас ей было не до сна. Какое-то смутное беспокойство мешало заснуть. Василина! Она с утра не видела Василину. Обычно та по утрам путалась под ногами, норовила вылакать молоко и из Муркиной миски. И хозяйка волнуется, ворчала на грядках, откуда-то про котят узнала...

Мурка опять выбралась через открытую форточку на улицу, спрыгнула на лавку под окном и побежала к сарайке. Там иногда стояла дежурная миска, куда хозяйка наливала для них остатки молока из подойника. Оно там не застаивалось, кошки управлялись и с ним между делом. Так и есть, мисочка полнехонька, вокруг нее вьются мухи. Мурка брезгливо отряхнула лапки. Постоявшее молоко она пила в редких случаях. Это Василина ничем не гнушалась, лакала за милую душу. Кошка прислушалась, и до нее донесся слабый писк. По лестнице она поднялась на чердак и юркнула в угол. Так и есть. Голодные котята копошились на старой куртке, тыкались слепыми мордашками друг в дружку и пищали. У Мурки сжалось сердце.

– Ну и где же эта мамаша бестолковая?

Она точно так же, по лестнице спустилась вниз и между штакетин забора выбралась на улицу. По дороге, истошно вопя, проследовали гуси. Они шагали к огромной луже, ставшей после летних дождей маленьким прудиком. Мурка побежала было за ними, но потом поняла – Василине этот прудик совсем не нужен, и, если она и могла удрать куда-то, то скорее на колхозную ферму, где раньше работала хозяйка. Василина любила бегать за ней по пятам на утреннюю дойку. Там ее очень любили, называли «красоткой», гладили по белоснежной шерстке. Неужели не понятно, что в кошке главное не ее красота? Мурку почти не замечали – серую и щупленькую. Она с этим смирилась и на ферму за хозяйкой не бегала,

хотя до появления Василины ферму любила. Мышей там было видимо-невидимо. Кошке игрушки, а мышкам слезки. Молоком и ее угощали теплым, пенистым за охотничью сноровку. Что было – то было. Мурка махнула головой, отогнала свои воспоминания, словно назойливую муху. Хозяйка в огороде, чего ее понесло на ферму? Коровы на летнем пастбище, и доярок возят туда на машине к дневной дойке. Мурка очень боялась этой машины. Первый раз испугалась еще котенком, давным-давно, когда чуть не попала под колесо. Хозяин приезжал домой на обед. Маленькая Мурочка от страха присела прямо на дороге и чудом осталась жива, колесо проехало совсем рядом. С тех пор старалась держаться от них подальше в отличие от Василинки. Та не боялась ничего, смело неслась к ферме, не обращая внимания на молоковозы. Да где же она? Писк котят стоял в ушах, и привычное раздражение сменилось жалостью. Мурка, преодолевая страх, побежала по дороге к ферме. В придорожных лопухах что-то белело, и она в ужасе замерла. Крадучись, словно на охоте, она мелкими шажками направилась к лопухам. Под запыленным широким листом лежала Василина. Ударом колеса ее отшвырнуло прямо в лопух. Белоснежная шерстка была заляпана кровью. Ничего больше не видя, Мурка бросилась по дороге к родному забору, проскользнула во двор, по лестнице взлетела на чердак и бросилась к котяткам. Они молчали, тихо прижавшись друг к дружке, словно ощутили уже свое сиротство и безнадежность крика. Да и сил кричать у них почти не было. Мурка легла рядом, тяжело дыша. Давние забытые ощущения счастливого материнства возвращались. Крошечные розовые ротки тянулись к ней, тыкались в живот, а лапочки массировали соски, чтобы молочко бежало быстрее. Бежать было нечему. Молока не было, пока не было. Теплая тяжесть щекоотно наполняла ее. Она привычно

стала вылизывать их шерстку, согреть своим телом, а они, голодные, пытались отыскать соски, уже многие годы пустые и плоские. Голодные котята, согревшись, снова обессиленно замолчали, а Мурка побежала вниз. Во дворе она быстренько съела свою утреннюю добычу, валявшуюся у крыльца, вылакала все молоко из миски у сараюшки, не обращая внимания на мух. Прихватила и зазевавшуюся глупую муху. Все, теперь ей надо много есть. У нее дети.

– Мурка! Ты Василину не видела? – Хозяйка топала с огорода, неся в фартуке охапку травы. – Где она, гулена? Чует мое сердце, она котят принесла на чердак, а мне с моими ногами не забраться. Попрошу вечером Михалыча, чтобы проверил.

Мурка прилегла на тропинке. Она любила, когда хозяйка проходила мимо, цепляться за ее юбку. И вдруг особенно остро почувствовала тяжесть распирающего соски молока. Кошка буквально взлетела на чердак и бросилась к котятам. Почти растолкав их, улеглась рядом. Те, обессиленные, стали ползать, разевая жадные ротки, и вдруг – один маленький, белый, похожий на Василину, нашел сосок и сладко зачмокал. Другие тут же последовали его примеру, и через минутку Мурка, блаженно растянувшись во весь рост, кормила так неожиданно свалившихся на нее детей.

– На всякий случай отнесу-ка я их в другое место, от Михалыча подальше, – подумал она и наконец-то уснула, впервые за этот беспокойный день...

ОЛЬГА СЕРГЕЕВА

СЛЕД ПАМЯТИ

Давно это было. Было это в стране, которой уже нет ни на одной карте мира. Нет на карте и села Старые Сербы. Зато появились Сербы Новые. А на месте Старых цветут поля нарциссов.

Насколько хватает глаз – одни цветы, до самого горизонта. Сегодня люди смотрят на яркий желтый цветок как на символ возрождения и признак нового времени, которое приходит с весной.

Тем летом на Житомирщине стояла небывалая жара. Такой не помнили даже старожилы.

День клонился к вечеру. Садилось солнце, и багровый закат предвещал зной. Тихий женский голос выводил колыбельную песню. В хате баюкала младенца молодая мать, и казалось, что под ее вековой напев засыпает все вокруг.

Мисяць на неби, зироньки сяють,
Тихо по морю човен пливе.
В човне дивчина писню спивае,
А козак чуе, серденько мре.

Хрупкая синеглазая женщина баюкала свою новорожденную дочь.

Письня та мыла, писня та люба,
Все про кохання, все про любов,
Як ми любились та й розишлися,
Тепер ми зийшлися навики знов.

У председателя колхоза Петра Майера родилась третья дочь. А всего вместе с ней стало четверо. Господь благословил Петра большой семьей.

Но когда-то все было иначе. В далеком Поволжье, откуда он родом, была у него жена Мария. И любовь была, и мир, и достаток в семье, вот только не было детей. А что это за семья без детей? У всех его сверстников было уже по трое-четверо детишек. А у них в доме пусто и тихо. Ни детского смеха, ни топота босых ножек. Ничего.

В Поволжье издавна жили немцы. Семья Майеров приехала в Россию еще в далеком XVIII веке. Вместе с тысячами семей покинули они Германию в поисках лучшей доли. Победив в войнах с Турцией в конце XVIII века, Россия расширила свою территорию к югу, где населения почти не было. Нужны были люди, которые, поселившись на новых землях, сделали бы их безопасными и полезными для государства. Чтобы освоить эти земли, императрица Екатерина II издала в 1763 года свой исторический Манифест.

И хотя обращалась она ко всем жителям Европы, но приехали в Россию, в основном, немцы. Причиной этого было тяжелое положение Германии. Только что окончилась Семилетняя война, и по дорогам разоренной страны бродили тысячи потерявших службу солдат и разорившихся ремесленников. В то время Германия была отсталой сельскохозяйственной страной, состоявшей из полузависимых крошечных государств. Поздно начал развиваться общенациональный язык, народ еще говорил исключительно на диалектах, и часто немцы, живущие на юге, не понимали своих северных соплеменников.

Предки Петра Майера приехали в Россию из южных земель, маленького городка Кенингсхайм. Поселились на Волге. Распахивали вместе со всеми целину, трудились не покладая рук. Новая Родина встретила немцев небывалыми для них холодами. Непривычные к русским печам, они ставили в своих домах

небольшие печи-голландки, тепла от которых хватало только на то, чтобы погреть руки. В домах было холодно, и многие болели чахоткой. Поэтому вдовство не было редкостью, когда молодой еще мужчина оставался с пятью-шестью детьми на руках. По этой причине в роду Майеров почти все мужчины женились дважды. И семьи были большие.

Сейчас уже не верилось, что совсем недавно иметь детей было для Петра мечтой несбыточной. В первом браке детей не было, и Петр винил себя. Он считал, что с другим Мария сможет обрести полноценную семью. Но ни он, ни она не могли решиться на разрыв. Так и маялась бездетная пара, Петр да Мария.

Все решил случай. Петра, как члена партии направили на Житомирщину поднимать сельское хозяйство. И на новое место службы он приехал один.

Все разом изменилось в его жизни. Новая работа, новые люди и... новая любовь. Юная голубоглазая Олеся, Леся, как ласково звали ее на украинский манер, стала для него смыслом жизни. Даже самой жизнью стала она для него.

Ее звали Олеся Денисовна Прохорчук. Она жила с отцом и матерью. Раньше их семья была зажиточная, но перед войной у них забрали все имущество. Остался только дом, большой, хороший. И семья была большая, двенадцать детей, но выросли только трое. Потому родители Лесю баловали, особенно отец. Характер у него был золотой, а мать такая крикливая, что ужас!

– Шо, за німця замуж?! Своіх хлопцев нэмае? Ніколы того нэ будэ! – грохнула кулаком по столу мать Олеси. Своим грозным нравом славилась она на всю округу. Но всегда тихая и покорная дочь на этот раз не послушала мать. Она послушалась своего сердца и поступила наперекор родительской воле. Однажды Петр и Олеся сбежали. Не на край света, конечно, а в другое село, что находилось в семи километрах

от Старых Серб. Петр был человек партийный, а значит дисциплинированный и ответственный. Он заранее договорился о своем переводе в колхоз «Rot Front», где в основном жили советские немцы.

Одна за другой родились у них две дочери, а потом сын. И вот новая радость – дочь Надийка. Из далекого Поволжья пришла поздравительная открытка. Красивая, блестящая. На ней был изображен аист, несущий в клюве младенца. Это Мария поздравила бывшего мужа с тем счастьем и радостью, которых она не смогла ему подарить.

Жили молодые дружно. Вот только соседские пересуды нет-нет да и нарушали покой в их доме. Олесья была глубоко верующим человеком, всегда ходила на воскресную службу и даже пела в церковном хоре. Не раз Петру говорили: «Как же ты, председатель колхоза, коммунист, а такое допускаешь?» Не раз заводили этот разговор и на партийных собраниях. На что Петр всегда отвечал: «Мы – разной национальности, разного вероисповедания, и я не могу диктовать как ей верить».

Узнала про эти разговоры и мать Олеси. Свыклась она к тому времени и со своеволием дочери, и с зятем-немцем. Очень она его зауважала. Был Петр добрым хозяином, детей любил, а в Олесе души не чаял.

– Ты мужика своего не подводи. Он же человек партийный. Чего в церкву ходишь, да еще поешь? Смотри, как бы ему через тебя неприятностей не было. Ты от веры не отказывайся, но и мужу не вреди.

Кончался день, садилось за горизонт жаркое солнце.

Война пришла на Житомирскую землю стремительно. В первые часы войны Житомир был подвергнут бомбардировке гитлеровской авиации. А 9 июля город был оккупирован германской армией.

Коммунист и председатель колхоза «Rot Front» Петр Майер занимался срочной эвакуацией людей и самого

необходимого колхозного имущества. Все документы конторы Петр и Олеся закопали в земляном полу сарая. Их маленькая дочь Вера видела это своими глазами. А потом все мужчины во главе с председателем отправились за село косить сено. Ведь скот в пути нужно было кормить.

Но война наступала стремительно, и планы сельчан не входили в ее расчет.

Мотоциклисты в касках заняли село. И первым делом нагрянули в дом председателя. Кто-то услужливо указал на его хату.

Фашистам нужны были колхозные документы, и в их поисках они перевернули все вверх дном. Но не найдя ни председателя, ни документов, они стали пытаться Олесю. Ее били, ставили к стене и угрожали пистолетом, а потом стреляли поперек головы. Но она молчала и только слезы текли из ее фиалковых глаз. Видя такое упорство, офицер брезгливо схватил за ноги крошечную Надийку и стал трясти ею перед глазами матери.

– Говори, иначе я ей голову расшибу!

Олеся проваливалась в беспамятство...

Кто-то из местных пацанов сбегал на покос и рассказал мужчинам про то, что творится в доме председателя.

И тогда Петр Майер велел передать жене, чтобы она привела к ним фашистов. Он рассудил, что их много, у них вилы, косы, и они сами расправятся с фашистами. Попрытались в копны и стали готовиться дать отпор врагу. Олеся все сделала, как велел ее муж. Но увидев, что фашистов много, что они вооружены до зубов, сельчане побоялись выходить из копен. Над Олесей опять начали издеваться.

– Куда ты нас привела? – кричал офицер и что есть силы хлестал ее по лицу лайковой перчаткой. А на руках ее заходила плачем маленькая Надийка.

Петр не выдержал и выскочил из копны с вилами наперевес. Но что он мог сделать один против вооруженных убийц?..

Петр был руководителем и коммунистом. Таких фашисты уничтожали в первую очередь.

– Du hast einen deutschen Nachnamen. Warum? – спросил Петра офицер.

– Ich bin sowietische Deutscher, – ответил Петр. Он был спокоен, и только мертвенная бледность выдавала его волнение.

– Du bist Schwein! Du bist ein kommunistisches Schwein! – зашелся в крике фашист. Петр махнул Олесе рукой, иди, мол, домой. А его повели к школе, в центр села. Туда уже согнали всех жителей. Офицер громко объявил, что теперь у них будет установлен новый порядок, а коммунисты и сочувствующие им будут уничтожены. Он спросил Петра куда стрелять: в голову или в сердце.

Петр ничего не ответил, только приложил руку к груди. Туда, где билось сердце, где жила его любовь к Олесе и детям. И никто во всем мире не мог убить эту любовь.

Его расстреляли на краю школьного сада, где уже начинались поля.

Едва оправившись от пыток и потери мужа, Олеся ушла к партизанам. Она ничего не стала объяснять, а просто привела детей в родительский дом. Все молчали. И даже мать не нашла слов, чтобы помешать дочери. В глазах Олеси полыхал такой огонь ненависти, что никто не посмел остановить ее.

Всю оккупацию она была у партизан связной. Она поселилась в заброшенном доме на краю села. Так было проще незаметно приходить в лесной отряд. Она доставала продукты и медикаменты и передавала их партизанам. Никто не мог заподозрить в ней связную.

В селе решили, что она тронулась умом после гибели мужа. И никто, никто не знал, что каждый день ведет Олеся свою войну. Любовь к Петру и память о нем придавали ей силы.

Когда войска Красной Армии освобождали Старые Сербы, Олеся нашла в кустах ежевики немецкого солдата. Он был ранен и прятался от всех, так как при отступлении фашисты добивали своих раненых. Олеся перевязала его, приносила еду.

– Meine Familie, meine Familie, – шептал в бреду раненый. Вскоре он умер, но перед смертью дал ей фотографию своей семьи, где на обратной стороне написал адрес и попросил сообщить им, если будет возможно, где находится его могила. Похоронила его Олеся там же, в кустах колючей ежевики. Соорудила из веток крест. Детям строго наказала ухаживать за могилой. А когда старшая дочь возмутилась, то Олеся ей не возразила, только тихо сказала:

– Здесь человек похоронен.

Сразу после войны, в 1946 году Олеся не стало. Сказались побои и горе потери. Она тихо угасла. Словно ушли силы, которые держали ее на этом свете. Перед смертью она попрощалась с родителями, детьми и соседями. А потом, словно увидев что-то или кого-то там, куда отлетала ее душа, улыбнулась и тихо сказала: «Иду до тэбэ...»

НАТАЛЬЯ ГРАНЧАКОВА

Иногда охота помолчать, правда, очень,
Потому что я словами – обесточен,
Потому что в полутьмах, полусомненных
Так опасно потерять прикосновенья.

Хочется смотреть и отражаться,
Улыбаться, просто улыбаться.
Ведь согласно, вопреки примете,
Все-таки ты есть на этом свете.

И мы встретились по случаю случайно,
И пускай все это так необычайно,
Но мне хочется словесной немоты,
Чтобы думать, что с тобою мы «на ты».

Помолчим, раздвинем все границы.
Мы летаем? Или это только снится?
Мы мечтаем, словно птицы в небесах,
Я запутался в кудрявых волосах.

Только ты не отпускай, не надо.
Эта пытка для меня – награда.

Отложи меня до осени,
В сердце с проседью –
Рано для встреч,
Вот бы только себя уберечь
От назойливых и нерадивых,
Неуместных и нелюбимых.
Мне же хочется в твою речь
Незатейливо так залечь.

Утром встать, а вечером лечь,
А ненужность – как горы с плеч.
Сколько времени? Мне б засечь
До прихода любимых плеч.
Быть понятной? Хочу, постой,
Быть свободной, не холостой,
Покоренной, но неизведанной –
Вот мечта, возведенная в ранг.
Я хочу изучать тебя преданно,
Но не знать окончания глав.
Переписывать и дописывать,
Не меняя трактовки фраз.
Я хочу на нашем надгробии
Быть на уровне твоих глаз.

А может быть, тебя тоска вот так же гложет,
Кусает за глаза и бьет по роже?
И мне не ведомо, что ты придумать можешь,
Чтоб удержать вот эту дрожь по коже.
Но я надеюсь – все же Бог поможет
Преодолеть и эти времена,
Не наливая красного вина.
А как же жить и ни во что не верить,
Чем эту жизнь тогда еще измерить?
Ведь нет надежды на любовь без веры,
А нам не надобно такой химеры.

Количество не перейдет в качество,
А значит, мы обречены
На счастье выбора зависимости
По совместительству – судьбы.

Я комплиментами растрчена,
Разведены во мне мосты.
А хочется быть просто значимой
И поводом твоей весны.

Вот только в твоих окрестностях
Такое глубокое море,
И я боюсь не доплыть до местности,
Чтоб в радости быть и в горе.

Ты подскажи мне азимут
Иль маяком будь,
Чтобы о нас судачили,
А ты бы все знал – врут.

Мне ни к чему количество
Для осознания сути.
Качество ты мое, качество
Нежные твои руки.

СЕРГЕЙ ПОДОЛЬСКИЙ

ЗАПИСКА ИЗ СОЛДАТСКОГО МЕДАЛЬОНА

Над серым утренним болотом
Так низко облака скользят.
Ствол раскаленный пулемета
Шипит от капелек дождя.
Шинель и каска в рыжей глине,
В воде промокли сапоги.
Туман крадется по ложбине,
За ним – тяжелые шаги.
Ракета вновь след дымный чертит,
Бушует шквал огня опять.
А в восемнадцать лет, поверьте,
Совсем не время умирать!
Все ляжем здесь в могиле братской, –
Так эта истина проста! –
Не заслужив звезды солдатской,
Ни православного креста!
Родным, вестей так долго ждавшим,
Придет по почте полевой
Три слова: «Без вести пропавший»
О тех, кто рядом был со мной.
Шинели черные так близко,
Прицел вмещает их по грудь...
Мою последнюю записку,
Прошу, найдите кто-нибудь!

ЯЛТИНСКИЙ ПЛОМБИР

Твой рыжий локон дерзко-непослушен
Изгибом вопросительным манил.
Нос обгоревший в россыпи веснушек
Панама скромно прятала в тени.

Из-под очков я взглядом то и дело
Разглядывал, дыханье затаив,
Царапины коленок загорелых
И крылья твои плечиков худых.
Небрежно босоножками ступая,
Взирала равнодушно ты на мир.
Я, грешный, млея, медленно растаял,
Как разноцветный ялтинский пломбир.
От зноя склоны горные размыты.
У ног твоих бесчинствовал прилив.
И озорной мотивчик «Риориты»
Звучал негромко, нас соединив.
И снова, как в замедленном повторе:
Твои следы на золотом песке,
Нам восемнадцать, крымский берег, море
И тот пломбир, растаявший в руке.

РЫБАЛКА

Рыбакам с утра не спится,
Ведь на зорьке клев везде.
Солнце раннее искрится,
Блики скачут по воде.
И роняют звонко ивы,
Как песочные часы,

В гладь заросшего залива
Капли утренней росы.
Опьяняет воздух свежий...
Растревожена вода,
Разом кинулись на стрежень
Разномастные суда.
Бросив якорь на приколе,
Натянувши бечеву,
Миши, Бори, Вани, Коли

Ловят мелкую плотву.
А когда придет везенье
(Если снасть не подведет),
Лещ – ну просто загляденье –
Солнцем на крючке блеснет.
Только знай меняй приманку,
Если фарт у рыбака.
К жестяной помятой банке
Быстро тянется рука.
Там обкуренные пальцы
Червяка найдут в углу.
Извиваются страдальцы,
Словно грешники в аду.
Хоть ты толстый или тонкий –
Будешь кормом все равно.
Смачно плюхнет в воду донка –
И пошел червяк на дно.
Намотав лесу на руку,
Приложив немало сил,
Огромнейшую щуку
Вася в лодку затащил.
Уместилась чуть на днище,
Приоткрыла пасть слегка
И огромные глазищи
Вперила на рыбака.
Стынет в них слепая злоба.
Зубы – по карандашу.
«Ну-ка, тронь меня, попробуй! –
Руку враз перекушу!».
Как палач, взмахнул над плахой:
«Да гори ты все огнем!», –
Что есть силы бьет с размаху
Щуку по башке веслом.
От удара дно пробито,
И, подставив борт волне,
Как дырявое корыто,

Лодка скрылась в глубине.
Нынче холодно купаться.
Вася крутится в воде:
«Эй, сюда скорее, братцы!
Не покиньте же в беде!»
У костра, стуча зубами,
Вылив воду из сапог,
И, приняв сто грамм с друзьями,
Он едва согреться смог.
По задворкам огорода
Вася до дому бредет.
Щука снова на свободе
И рыбалки новой ждет.

БОЛЬ КАТЫНИ

Вскрыли землю весной воды талые.
Под сосновым смолистым стволом
Вдруг увидел я пуговку малую
С одноглавым зеленым орлом.
В кронах виснет туман серой ватой,
Глина бурым пятном на снегу.
Ты откуда взялась здесь под Катыню,
На днепровском крутом берегу?
Залп винтовок, ударивший звучно,
Шаг последний к зловещему рву.
Дернул ворот мундира поручик,
Уронивши тебя на траву.
И, оставшись в нагрудных карманах,
Заплывают кровавой слезой
Фото ваших паненок коханных –
Тех, к кому вы спешили домой.
И ни памяти вам, и ни славы,
Чуть присыпаны глиной чужой.
Вдалеке от любимой Варшавы

Обрели вы свой вечный покой.
Среди сосен могилы, могилы –
На траву и ногой не ступить.
Видно, крови своих не хватило,
Коль чужую решились пролить.
Справа высится крест католический,
Слева крест православный стоит.
Помолитесь Небесной Владычице:
Пусть она нас навек примирит.

КАТЮША

Ползет букашка по погону,
А каску солнышко печет...
Мы загораем в обороне –
Стрелковой роты третий взвод.
Затишья месяц. Редкий случай.
На фронте все без перемен.
...К нам через мины и «колючку»
Ползет мотив «Лили-Марлен».
Чужая фрау хрипловато
Твердит: «Солдата буду ждать...»
Видать, и немцам плоховато
Без баб три года воевать.
И так мотив тревожил душу,
Что молвил взводный с матерком:
«А ну, боец, давай «Катюшу»,
Да непременно с огоньком!»
Взял гармонист ремень на плечи,
Гармошка враз отозвалась.
Со дна траншей «Лили» навстречу
«Катюша» гордо поднялась.
Бой рукопашно-музыкальный
Пусть в сводки фронта не войдет,
Сошлись две песни на нейтральной,

Заспорив насмерть, чья возьмет.
Их фрау выглядит опрятно:
Шелк, воротник из соболей.
На Кате – сапоги да ватник,
Но наша – краше и родней!
«Так кто из нас сегодня лучше?»
Плечом «Катюша» повела...
«Марлен» обратно – за «колючку» –
Плацдарм без боя отдала.
Щербатый рот раскрыв в улыбке,
Задорно рявкнула гармонь.
Блицкриг, похоже, был ошибкой –
Ответим враз – попробуй тронь.
Фокстрот немецкий смолк в унынье,
Шипит с досадой патефон.
Ну, «гансы», ждите нас в Берлине:
Пехоту, Катю и гармонь!
Мотив летит над минным полем,
Победно в воздухе кружась,
И взводный очень был доволен,
Что песня, в целом, удалась.
А немцы из окопов: «Слюшай,
Иван, пожалуйста, играй.
Давай еще твоя «Катюша».
Мы тоже будем подпевай!»
Губной гармошкой неумело
Нам вторят с вражьей стороны.
Эх, как «Катюша» вас задела!
И будто вовсе нет войны.
Перепоем и перепляшем,
В кровавой драке победим.
И Родины любимой нашей
Вовек врагу не отдадим!

ВЕСНА НА ДОНУ

Китель вытертый, с заплатами,
Весь в медальях и крестах.
Их еще при императоре
Получил казак в боях.
Солнце с неба льется золотом,
Талый снег ручьем журчит.
Снится дивный сон о прожитом,
Что он в памяти хранит.
Степь весенние проталины,
Как ладони, тянет ввысь.
Дремлет мирно на завалине
Отставной кавалерист.
Дон широко разливается
В серо-желтых камышах.
Коромысло в такт качается
У казачки на плечах.
Воду не плечи студеную
Ты из ведер на песок.
Как взглянул в глаза зеленые –
Взгляда отвести не смог!
Обнял крепко плечи нежные,
Низко свесившись с коня.
Любишь ли меня по-прежнему?
Так дождись с войны меня!
Затянулось расставание
У обрыва над рекой.
Но зовет призывным ржанием
Конь – товарищ боевой.
Степью пыль поднявши, конница
Мчится лавой на врагов.
У икон в станице молятся
За ушедших казаков.
Сколько слез в разлуке пролито!
Все не гас в окне огонь,

По пропавшим плачет колокол,
По вернувшимся – гармонь.
Ногу вставил в петлю стремени,
Осенил себя крестом:
– Эх, в поход мне не ко времени!
Досмотреть бы сон потом...
Колокол церквушки маленькой
Далеко разносит звон.
Козырек фуражки старенькой
На глаза надвинул он.
Звон капли нескончаемый,
Почки соком налились.
Дремлет мирно на завалине
Отставной кавалерист.

КАРИНА ЛАВРЕНОВА

Вот бы врезаться мне в небо,
Опрокинуть свои грезы
Там, где слишком много света.
Рейс: Вселенная и Звезды!
Вот бы врезаться мне в звезды
Так, чтоб было слишком больно!
Солью вдруг запахнут слезы,
Но я все равно довольна!
Вот бы врезаться мне в слезы,
Чтобы с ними вновь смешаться.
И, как листья на морозе,
Вдруг упасть и не подняться.

Мне сегодня приснилось небо
С голубейшим чистейшим отливом,
Самолеты в нем тихо кружили,
Замедляя лучей переливы.
Задрожал горизонт над рекою,
И упали в пещеру звезды:
Бездна сумерек, мрака глухого
Поселилась под нежной березой.
Стройный стан зачарованной ели
Крепко впился корнями в землю,
И как жаль, что скворцы улетели,
Значит, скоро пурга и метели.

Лишь южный ветер вновь меня коснется,
На память о тебе оставив поцелуй,
Будущее наше тихо отвернется.
Да! Ты свободен! Не родной! Живи! Ликуй!

Окна – настезь! Дышать – полной грудью!
И не думать о времени верном!
Я смешаюсь с обломками судеб,
Оставаясь одною вселенной!
И, испив до конца этот вечер,
Я, хмельная своею свободой,
Без горяченькой кружечки меда
Разбиваю мгновенья о вечность...
Но дробятся пугливо секунды,
Не желая без счета тянуться,
В голове поселилась пустошь...
Не согреться... И не проснуться...
Но пустые слова в этот вечер,
Да и жизнь уже вряд ли наладится.
Ну а прошлое? Не забудется...
Темным камнем в душе останется.
Очертанья теряет время,
Погружается в легкий туман
Жизнь моя, как тяжелое бремя.
Память стерла неловкий обман.
Мне уже без тебя неплохо
Полчаса, может, год. Кто знает?
Свою боль не несу одиноко...
Ну а сердце? Оно отгадет!

ГАЛИНА ФЕДОРОВА

ОТЦУ

Простой мальчонка деревенский,
Полуголодный и босой,
Был неприметным в школе сельской,
Но ловким на луку с косой.

С отцом пахал и сеял рядом,
Не уступал ему ни в чем.
И вдруг война смертельным градом
Обрушилась на каждый дом.

В семнадцать ты войну изведal.
Дед после финской – инвалид.
Душа особенно болит
За двух солдат: отца и деда.

Когда затихнет листопад,
Молчат задумчиво деревья.
Густых ветвей переплетенья
Земли дыхание хранят.
Открылось время многослойно,
Вчера – подъем, сегодня – спад.
Вот ветка изогнулась, словно
Решила повернуть назад.
То плавны линии, то круты.
Их жизненный понятен путь.
А я смотрю в себя, как будто
Еще жизнь можно повернуть.

Платье новое надела
В синенький цветочек.
Повязала неумело
Ситцевый платочек.

И пошла по лугу вместе
С мальчиком соседским.
«Посмотри, жених с невестой!» –
Чей-то голос детский.

Шли, отыскивая страны
В облаках кудлатых,
И придумывали странные
Сказки про богатых.
Гладили угрюмого
В путях жеребенка.
Босиком брели счастливые
Два ребенка.

ВЕЛИЖ

Велиж расположен на реке Западная Двина, в 124 километрах к северо-западу от Смоленска. Велижская волость входила в состав Смоленского княжества и впервые упоминается в русских летописях в XII веке. В апреле 1536 года был издан указ о строительстве крепости на старом велижском городище, называемом Замковая гора. Крепость строилась мастерами Иваном Рудаком и Иваном Колычевым в виде трех срубов, заполненных глиной, имела 9 боевых башен. Своим названием город, по мнению историков, обязан тем, что река Западная Двина раньше называлась Велижка.

Достопримечательностями города являются церковь Трех Святителей 1866–1869 гг., деревянный храм-часовня Кирилла и Мефодия и районный историко-краеведческий музей. В честь подвигов жителей города в годы Великой Отечественной войны на въезде в Велиж установлена «Катюша».

Работает литературное объединение «Двина».

АЛЕКСЕЙ СЕЛЕЗНЕВ

ВИТИЙСТВУЕТ ВЕСНА!

Штормит вторые сутки.
Витийствует весна!
Плывут мои минутки
По лужам у окна.
Плывут, не доплывают,
Не видно берегов
И стать не успевают
Мгновеньями шагов.
И быть не могут просто
Ступеньками времен,
Держа быками моста
Житейский рубикон.
Играя перебором
С душою в унисон,
Они стоят дозором,
Вымаливая сон.
И в трудную годину,
Забвенью вопреки,
Седлом прогнувши спину,
Выносят из реки.
Выводят из порталов
И замкнутых пространств
Пропавших маргиналов
И татей постоянств.
Ведь мало кто признает,
Исполнив данный срок:
Минуты истекают
Ранением в висок.
Клубится наша Вечность,
Закованная в храм,
Минуя человечность,
Как ветер по дворам.

Штормит вторые сутки...
Витийствует весна!
Плывут мои минутки
По лужам у окна.

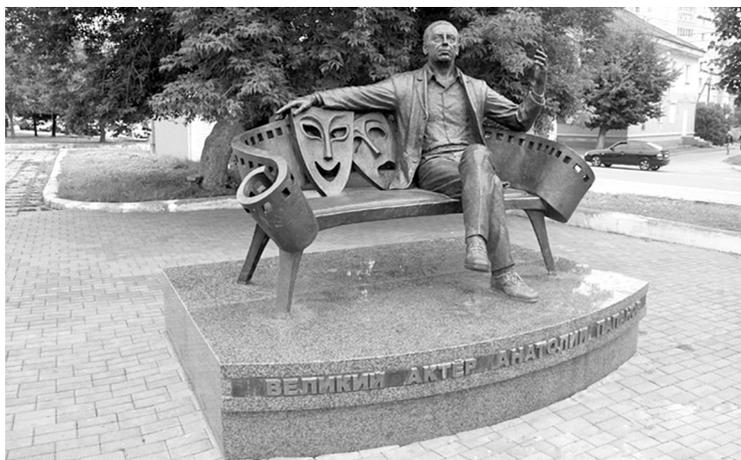
ЛОМАЛАСЬ, ПОРТИЛАСЬ ПОГОДА

Ломалась, портилась погода,
Цвели сады в холодных снах,
И обнаженная природа
Дрожала в стылых временах.
Я солнце бледное в зените
Под шапкой прятал от дождя
И заплетал как косы нити
Лучей вселенских для тебя.
Но ты от самого начала
В других стихиях грела кровь –
И свет небесный излучала,
И приносила в дом любовь.
Дышала лиственной молитвой
Твоя древесная душа,
И крылья пели перед битвой,
На встречу с вечностью спеша.
И день заплаканным ребенком
Пускал по лужам пузыри,
И в мире, призрачном и тонком,
Тебя вели поводыри
К тревожным будням, сквозь невзгоды,
В туманах нищенских забот –
И раздвигали небосводы,
И опускали в лоно вод
Твою живую оболочку –
Ветрами выжженную плоть.
И капли лет сливались в строчку,
И припадал к земле Господь.

И было все на этом свете:
Весна... цветы... твои глаза...
Напоминая нам о лете,
Вздохнула первая гроза.

Я ЗАРЫТ, КАК КОЛОКОЛ

Я зарыт, как колокол,
В глыбе бытия.
Тащит меня волоком
Родина моя.
Тянет да не вытянет
Из сырой земли:
Позвоночник вытянут,
Корни проросли.
Языком ворочаю
И дышу пока.
Мою силу зодчую
Стерегут века.
Без креста, без имени,
Кольхая грусть,
Я в душе пустынями
Провожая Русь...
И звучу, как колокол,
В глыбе бытия.
Тащит бремя волоком
Родина моя.

ВЯЗЬМА

Город Вязьма находится на расстоянии более 230 километров от Москвы. Свое имя город получил от реки, которая связала между собой реки древнего торгового пути «из варяг в греки». Впервые в летописных источниках о Вязьме упоминается в 1239 году.

Сохранился единственный фрагмент древней крепости, построенной по указу Бориса Годунова – Спасская Башня. Есть версия, что и сам Борис Годунов родился под Вязьмой. Примечателен храм Спаса Преображения. Поклониться иконе Иверской Божией Матери, которая, по легенде, спасла горожан от страшной чумы в конце XVIII века, верующие могут в Троицком соборе, а на юго-западной окраине города расположен Иоанно-Предтеченский монастырь с оригинальной постройкой – Одигитриевской церковью.

В окрестностях Вязьмы, на расстоянии трех десятков километров, находится усадьба дяди Александра Грибоедова – Хмелита. Вязьма – родина известных отечественных актеров, народных артистов СССР А. Д. Папанова и Л. И. Касаткиной

На Вяземской земле родились легендарный адмирал П. С. Нахимов и герой Смоленского сражения генерал П. А. Курочкин. Рядом с Богородицкой церковью стоит памятник Перновскому полку, посвященный Отечественной войне 1812 года. За городским кинотеатром возвышается монумент «Доблестным предкам», а в центре одноименной площади установлен памятник генералу М. Ефремову, погибшему в Вяземском «котле» весной 1942 года.

В городе работают несколько литературных клубов.

ТАТЬЯНА НЕСТЕРОВА

РЕКВИЕМ В МЕТРО

В метро, в шуршащем переходе,
Над головами в круглый свод,
Не задевая за народ,
Взлетала грустная мелодия.

Стоял скрипач, расставив ноги,
Как под расстрелом у стены,
Как пленник денежной войны –
С лицом измученным и строгим.

У ног футляра с голодным горлом,
В нем горстка жалкая монет.
Держась плечом за инструмент,
Стоял скрипач в молчанье гордом.

А скрипка старенькая пела,
Рука взлетала за смычком.
Под многотонным потолком
В слезах мелодия летела.

На волю выхода искала,
Крылами билась о гранит
И в безнадежье стертых плит
Под ноги людям опадала.

Она молила о свободе.
Скрипач ее не утешал.
Он жизни реквием играл
В метро, в подземном переходе.

ДИНА КОРНЕЕВА

Стучится осень в мои окна...
Бьет по стеклу колючий дождь...
– Я вся озябла и промокла...
Ну, что ж, поэт, ты медлишь? Что ж?
Пусти ее в свою обитель,
Налей горячего вина,
Дозволь с тобою вместе выпить
Печаль сердечную до дна.
Ты знал ее золотокой
В октябрьском солнечном огне.
Смотри ж, какой простоволосой
Она явилась в ноябре.
Истерзанная дерзким ветром,
Исхлестанная злым дождем,
Поруганная и раздета,
Она к тебе стучится в дом.
Былой красы прилежный зритель,
Ну, что ж, поэт, ты медлишь? Что ж?
Прими ее в свою обитель,
Уйми безжалостную дрожь.
Не лги, что знал другую больше.
Да, ты стихи ей посвящал.
Но только эту звал на помощь,
В душевных муках призывал.
Она твою смиряет ярость,
Врачуя воспаленный ум,
И, пробуждая в сердце жалость,
Ведет в сады достойных дум.
И, как надежда, как прощенье,
Она в падении чиста.
В ней – долгожданное спасенье...
И тяжесть твоего креста...

ПОЭТ И ФИЛОСОФ

(Диалог)

– А с комом в горле можно жить?
– Да. Можно даже совершить
Большой и правильный поступок...
Иль глупость.
– Нет. Но, кроме шуток,
Как можно с комом в горле жить?
– Да просто.
Ну, чуть-чуть болит,
Слегка дыханию мешает.
Но можно глубоко творить,
О чем любой поэт мечтает.
– Но как же так?!
Ведь вдохновенье –
Дыханье легкое, паренье,
Порыв души и сладкий труд.
– Чудак!
Счастливые созданья
Рождают ложь, плодят брюзгу.
Природа истины – страданье
И спазмы в горле и в мозгу.

МОЛЬБА

Как же это неправильно, люди...
Вместо музыки – залпы орудий.
Вместо храмов старинных – руины.
Вместо лютиков на поле – мины.
Вместо Бога – Христово распятие.
Вместо доброго слова – проклятье.
Вместо памяти – горечь забвенья.
Вместо милости – жажда отмщенья.
Как же это неправильно, люди...

Миллионы загубленных судеб.
Постаревшие детские лица –
Стуток боли с укором в глазницах.
Вместо жизни – листок похоронки.
Вдовья доля – невесте-девчонке.
И пожарища дым – вместо неба.
И отвар лебеды – вместо хлеба.
Как же это неправильно, люди...

СВЕТЛАНА ТРАГОЦКАЯ

РУССКИЙ САРАФАН

Развернись, сарафан златокрылый,
Во всю ширь, во всю стать, во всю прыть.
И в суровые годы России
Пряли бабы суровую нить.
Вот в таком домотканом наряде
В церковь шла многодетная мать.
Сарафан – широта та, что надо –
Можно поле холстиной устлать!
Ой, ты, милый, кудрявый, желанный,
На гармошке играй веселей!
Плыли девы в цветных сарафанах
Среди радуг, лугов и полей.
Все румяные, словно матрешки,
Хороводы вели без конца...
Не одна ликовала гармошка –
Выбирай по душе молодца!
А какие частушки певали!
И платочки взлетали из рук!
Наша бабушка старою стала,
Сарафан свой сложила в сундук.
Мать моя сарафан примеряла,
Говорила: «Ах, мне бы сплясать!»
Заросли деревеньки бурьяном,
И гармошки давно не слышать.
Не услышишь веселой частушки,
Молодые теперь в городах...
В деревеньке расскажет старушка
О былых хороводных годах!

НАШ СТАРЫЙ ДОМ

Наш старый дом с резными окнами,
с резным крылечком на зарю...
Там патефон пел песнь высокую,
цвел сад весенний, как в раю!
О, как же трудно тебя строили
В послевоенные года,
В те дни, голодные и черные.
Но отступила вдруг беда.
Нуждой, бомбежкой скрепленная,
Родни собралась толока...
Дом вырос сказочный и солнечный,
Казалось, счастье на века!
Дом встретил нас теплом, радушием
Среди болот, дорог плохих,
А в русской печке очень дружные
Огня плясали петухи!
Стремилась в город всеми силами,
Забил дом мы навсегда...
Между комфортными квартирами
Большие встали холода.
На память нам тоска великая –
Где дом наш с золотым огнем?
Как будто солнце ясноликое
Забыли в старом доме том.

ПРИКОСНОВЕНИЕ ЛЮБВИ

Зажигает свечи иван-чай,
Не дает покоя это диво...
Поселиться в солнечных лучах
Ласточкой в гнезде любви счастливой!
Поселиться в синих небесах,
Золотом и ласковом просторе...

Что там в Ваших голубых глазах –
Небо отразилось или море?
Дождь прошел, и льется бирюза
На простор цветущий иван-чая.
Над рекой дрожала стрекоза,
И застыла лодка у причала...
Зажигает свечи иван-чай,
Не забыть прекрасное мгновенье...
Летний день нас с солнцем повенчал...
Не забыть любви прикосновенье!

гагарин

Город Гагарин – прежнее название Гжатск – расположен на реке Гжать в южной части Гжатско-Вазузской низины, в 180 километрах к юго-западу от Москвы. Сформировался на пересечении водного и сухопутного путей – Московского и Смоленского. 23 апреля 1968 года был переименован в город Гагарин в честь первого космонавта Ю. А. Гагарина, родившегося 9 марта 1934 года в деревне Клушино Гжатского района.

Достопримечательностями города являются: Дом-музей родителей Ю. А. Гагарина, памятник Ю. А. Гагарину, Музей Первого полета, Казанская церковь 1734–1737 гг., Благовещенский собор 1897–1900 гг., церковь «Всех скорбящих радость», храм Вознесения Господня и памятник Петру Первому.

ТАТЬЯНА ИГОРЕВА

ВОСХОЖДЕНИЕ К ПАРФЕНОНУ

Мне чудится: в белом хитоне
Я в прошлом уже здесь была...
Олива на ветреном склоне
Чуть слышно шепнула: «Пришла!..»
Мне грезится: на колеснице
Я сквозь Пропилеи лечу:
Святынищу поклониться
В его совершенстве хочу.
Потомками древних эллинов,
Прибывших сюда на поклон
К мудрейшей прекрасной Афине,
Святой Парфенон окружен.
Ступаю по мраморным плитам
И глажу колонны рукой...
А сильные кариатиды
Следят исподлобья за мной.
И как на ладони – Акрополь
В своей неземной красоте!
И голос какой-то особый
Над миром звучит в высоте.
В театре Диониса тенор
Звеняще-хрустально поет!..
Молчат пожелтевшие стены:
В них тайная Вечность живет.
На горы сюда в дни потопа
Привел Ной спасенных людей –
Мужчину и женщину, чтобы
Качали они колыбель,
Продлился чтоб род человечесий,
Чтоб мифы по свету неслись
На разных – не важно – наречьях,
Вплетаясь в реальную жизнь.

...Пришла я, но в новом обличье:
Я – русская. В джинсах. Не та...
Но вновь прикасаюсь к Величию,
Пройдя через эти врата.

ЖУРАВЛИ

Ах, этот крик прощальный журавлей –
Он сердце мне на части разрывает!..
Над серой грустью убранных полей
Печальный клин, курлыча, проплывает,
Над этой древней и родной землей,
Над хмуро-потемневшими лесами
И над моей разбитой колеей,
Осенний день пронзая голосами.
И столько раздирающей тоски,
Такой надрыв в щемящем крике этом!..
Что смотришь, замерев, из-под руки,
Как будто ждешь на жизнь свою ответа.
Куда летят стремительно года?..
Зачем таким коротким было лето?..
Зачем прислал Господь меня сюда?..
Куда уйду, когда случится это?..
Уносят вдаль на взмахах строгих крыл
Тепло и буйство красок эти птицы.
И после них тот край, что сердцу мил,
В дожди, снега и холод погрузится...
Весной опять вернуться журавли.
Но кто из вас заплачет, видя это?..
Их возвращение с чужой земли –
Оно в стихах поэтов не воспето.
Ведь русской неразгаданной душе
Все ж ближе расставанья и печали...
И никогда нам не забыть уже,
Как журавли в тоске с небес кричали.

МОЛИТВА

О, только – будь!
Я все перетерплю,
Переживу
любые испытанья,
Лишь только б у порога,
на краю
Узреть
Твое великое сиянье.
И – все тогда! И больше –
нет беды!
Твоим великодушьем
проникаясь,
Я там найду
любимые следы,
Пойду по ним
и трепеща, и каюсь.
Я знаю: тяжким будет
этот путь,
Гореть дорога будет
подо мною...
Пожалуйста,
ты рядом только будь,
Крепи меня
прощающей любовью.
Дойду. Навстречу –
мой спасенный сын,
А рядом с ним –
еще другие дети,
Немыслимым
решением моим
Нисколько
не пожившие на свете.
О, только – будь! И я,
упавши ниц,

Не чужь больше сердца
под рукою,
Среди навечно обретенных
лиц
Слезами край
Твоих одежд
омою.
Прости меня! Не ведала.
Прости!
За все земные
дерзкие сомненья.
О, дай мне Путь
и Веру на Пути!
...В день Рождества
прошу благословенья.

НИНА БЕСПАЛЕНКО

Хоть боялась о камни пораниться
И стыдилась котомку носить,
Но безвестною, бедною странницей
Я сегодня пойду по Руси.
В церкви, где были венчаны прадеды,
Я зажгу осторожно свечу,
И... прабабка перчаткою свадебной
К моему прикоснется плечу.

Тень наряда ее подвенечного
И спокойные лики святых
Скажут больше о прошлом Отечества,
Чем фальшивых историй листы!

ПРОПАЖА

На пальцах разноцветная пыльца,
И я прошу прощенья у Творца:
Прости, Всевышний, бедного слепца!
Прости за то, что в детском нетерпенье
Я стер с лица земли Твое творенье!
Пусть Ты не стал от этого бедней,
Ты, сотворивший столько за шесть дней!
Ты даже не заметил бы пропажи.
Но, отчего в душе такая тяжесть?
Стал мир вокруг меня чернее сажи,
Чернее стаи кружащих ворон...
Щепоточки пыльцы лишился он!

ПРОСТИ ПОЭТУ

Прости поэту, что не вышел ростом,
И что не оправдал твоих надежд,
Что у него не царственная поступь,
И что смешон покрой его одежд.
Что не заметно в нем величья духа,
Что больше с обывателем сравним,
Что голос не поставлен, режет ухо,
И что толпа не следует за ним.
Ты знай одно, что нет ему покоя,
Пока горит поэтова звезда,
С него однажды спросится такое,
Чего с тебя не спросят никогда!

Охрипший день опять в луга упал,
Чтоб пить ночной настой целебных трав
И от холодных звезд скрываться до утра...
Тонюсенькая плавилась свеча.
Все звуки спали, колокол звучал,
И больно становилось плечам...
Боль разбудила спящих крыльев ком,
Легко открылись двери на балкон,
Я поплыла на колокольный звон...

ПРОЩАЛЬНЫЕ СТИХИ

Но прежде, чем с последней из стихий
Душа сольется, прекословя телу,
Я напишу прощальные стихи
На лоскутке земной бумаги белой.
За все, в чем я была когда-то неправа,
Простите грешную меня, простите

За все мои обидные слова,
На покаянье душу отпустите!
И с этого тетрадного листа
Смахните тонкий слой бумажной пыли...
Я перед вами все-таки чиста,
И не напрасно вы меня любили!

Колокольни, колоколенки...
Те, что предками намолены,
Возвышались над округами,
Нечисть разную отпугивали.
Как в бою, святые ратницы, –
Не пригнуться им, не спрятаться! –
И в святом своем молчании
Звали предков к покаянию.
Языками колокольными
Отрывали их от дольного,
От срамного и от сорного,
Звали души к миру горнему.
Вас лишили права голоса
И с землей сравнивали вскорости.
Только звоны вопиющие
Все равно зывали к Сущему.
Из-под праха похоронного
Поднимаются со звонами
Колокольни, колоколенки...
Те, что внуками отмолены!

Когда овал стрекозьего крыла
В мои ладони невесомо ляжет, –
Я вспомню, – стрекозой и я была,
И крыльев легких чувствовала тяжесть.

И ношу эту сладостно несла,
Была душа стрекозой воплощенье, –
Творенье неземного ремесла
И естества земного завершенье!

Осиротеет мир, хотя не гений
На скомканной распластан простыне...
Торчат нелепо локти и колени –
Кузнечика разбуженные гены
Посмертно заявили о себе!
Архангелы трубили скорбно в трубы.
О, серебро небесное, молчи!
Сегодня в полдень медь земная грубо,
Печалью освятив гортань и губы,
Над маленьким поселком зазвучит!

Нанизываю лживые слова
На хрупкий остов изначальных истин,
Но не заменят дома и родства
Чужих гостиных бархатные кисти...
В бессонницах взлелеянный герой
Для будней суетливых непригоден...
Одежд его немислимый покрой
Смешон при нашей моде и погоде...

ЮЛИЯ ФАЙНИК

СТИХИ

Из свечных огарков,
Дровяной трухи,
Топленные жарко,
Родились стихи.

Я их пеленала,
Утирая пот,
Как назвать, гадала,
Свой сопливый сброд.

А они орали,
Душу изводя.
Выросли, пропали,
Бросили меня.

Я не горевала –
Разожгла любовь.
Выла и стенала, –
Но рожала вновь.

Ржавые последы
Ветер разметал.
Приходили беды,
Назревал скандал...

Слабой, изможденной
Грела колыбель.
Сделалась бездомной
В серую метель.

С выводком горластым
На распутье лет

Мой удел распластан,
Но я помню свет –

Тех далеких весен
Раненую ширь,
И лелею просинь
Именем Сибирь...

Я на ладони у тебя,
Как небо у земли.
Как у рассвета солнца луч,
У моря – корабли,

Как у рубашки рукава,
На шее медный крест...
И мне других не надо слов,
И не ищу я мест,

Где можно опуститься вдруг,
Прервав полета нить.
Я на ладони у тебя
Хочу всю жизнь прожить.

Чтобы, проснувшись как-то раз
Огнем в сырой строке,
Понять, что я уж навсегда -
В холодном кулаке.

Растеряла звезды,
Что ты мне дарил.
И, пожалуй, поздно,
Да и нету сил

Вспоминать былое.
Как ни береди, –
Главное – простое
Ждет нас впереди.

Одурев от войн,
Мирно ляжем спать.
Кто кого достоин,
И кому сдавать

Утром позабудем,
Как вчерашний снег.
Мы же просто люди, –
Спи, мой человек...

Я вернулась домой так поздно,
Что могло показаться – рано.
В голове моей гасли звезды,
Отдаваясь во власть дурмана.

У подъезда нашла дорожку
Из еловых пахучих веток.
Помню, я напряглась немножко –
Не меня ль схоронили это?..

Я сквозь двери прошла в бессилье,
Тишиной резануло ухо...
Подевались куда-то крылья,
И на мне – ни пера, ни пуха.

Сон унес в голубую бездну,
Лишь коснулась щекой подушки.
И будил меня бесполезно
Телефонный звонок подружки...

Мне непонятна ваша ложь.
Какого ищете спасенья?
И у кого его возьмешь,
Когда наступит воскресенье?..

В субботу все смелы, как львы,
Куют ножи и пистолеты...
Нет ни молитвы, ни молвы,
И все смешалось в мире этом.

Я вашей не хочу любви.
– Да и любовь ли это, право?..
Не можешь пить, – тогда пльиви,
Плюясь прогорклою отравой.

Господь нас пробует на вкус,
Мы – соль земли, а не конфеты!
Я вас нисколько не боюсь.
Придет весна, наступит лето, –

Я побегу по облакам
Ловить за хвост мечты и песни,
И, может быть, приснится вам
Тот день, в который мы воскреснем...

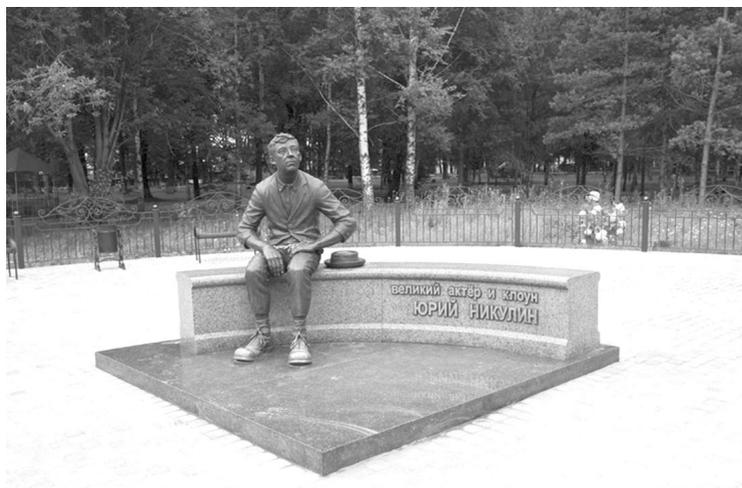
Ты опять печален
В суете тревожной.
Не туда причалил
Так неосторожно.

Ослепила светом
Я тебя, лаская.

Позабудь об этом.
Просто отпускаю...

Ты опять смеешься
Моему терпенью.
Скажешь – надорвешься,
Не придам значенья.

Я же в новом платье
Пью прохладный вечер.
И совсем некстати
Вызов не отвечен...

ДЕМИДОВ

Демидов – административный центр Демидовского района Смоленской области, до 19 ноября 1918 года носил название Поречье, затем был переименован в честь погибшего председателя укома Я. Е. Демидова. Город расположен на реке Каспле, в 82 километрах от Смоленска.

Достопримечательностями Демидова являются: церковь Покрова Пресвятой Богородицы, построенная в 1857 году, церковь Благовещения Пресвятой Богородицы, датируемая 1874 годом.

Туристы могут посетить Дом-музей Юрия Никулина, возникший на месте, где в 1921 году родился великий актер, а также сфотографироваться у памятника Ю. Никулину. Интересен своими экспонатами и историко-краеведческий музей города.

В среде литераторов известен один из старейших в области поэтический клуб «Колос».

ГЕННАДИЙ ЯЗЕНЬКИН

ВСТРЕЧА С ТЕРКИНЫМ

В потертой войной гимнастерке
Солдат шел, повергший Берлин.
Дед бравый спросил: «Ты не Теркин?»

– Так точно! Твардовского сын!
Я сын трудового народа.
Ребенок смоленской земли.
Глянь, дед, расцветает природа,
Вон как посветлело вдаль...
Дедуля прищурился хитро.
Дедулька еще был – огонь!
И вмиг появилась поллитра,
И вмиг появилась гармонь.
Напиток разлился по стопкам,
И крикнул Василий: «Держи-ись!»
И так он прошелся по кнопкам,
Как будто с гармошкой всю жизнь.
И ожила разом деревня
Сожженная, но не дотла.
С листвой закружились деревья –
Не только гармонь помогла.
Пять бабок да три инвалида
Резвились, ну, как пацаны,
Да милая девочка Лида –
Сиротка проклятой войны.
Растягивал Теркин трехрядку –
Раздула гармошка меха.
А дед как пустился вприсядку,
Чуть бабку не свел до греха.
Та бабка как выдаст частушки
Про то, что шевелится в ней,
Как будто забыли старушки,

Что ждут до сих пор сыновей.
Три дня, как добыли Победу,
Три дня, как устали стрелять.
Не терпится бравому деду
Внучка-лейтенанта обнять...
А Теркин скрутил самокрутку,
Поправил колодку наград,
Всем кинул прощальную шутку
И дальше подался солдат.
Почти потерялся из вида
За быстрою дальней рекой.
Лишь милая девочка Лида
Махала сиротской рукой.

В ПОДСНЕЖНИКАХ

Не знаю, повсюду, везде ли
Подснежники есть в этот час...
На нас же глазами газели
Они так глазели сейчас!
Сорву тебе белый подснежник,
Который склонился в падеж.
Сегодня я словно мятежник –
В душе моей буйный мятеж.
Весну вспоминая былую,
От счастья я весел и глуп.
О, как я тебя поцелую
В бутон распустившихся губ!
Не плачь, дорогая, не надо!
Смотри! Среди сонных ветвей
Пичужка поет серенаду,
Наверно, подружке своей.
Я – грешник, я знаю, что грешник,
Но кто не грешит по весне?!
О, как же глазастый подснежник
Лукаво подмигивал мне!

ПООЗЕРЬЕ-ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Поозерье-Зазеркалье –
Божий свет и разноцвет.
Пахнет озеро кефалью,
Хотя здесь кефали нет.
Косогоры да пригорки –
Одолеем их, братва!
Здесь в озерах красноперки,
Окунь, жерех и плотва.
В перелесках крутояры,
А за ними – вновь рассвет.
Корни елей, как омары,
Хотя здесь омаров нет.
То холмы, то буераки,
Островок, как в море кит.
А в озерах здешних раки,
Будто корни у раки.
Ветви пышные нависли,
Над водой молочный пар.
Если ты с дурною мыслью –
Забодай тебя комар!
Взрослый ты или малявка,
Если ж ты жесток и зол –
Забодай тебя козявка,
Муравей и стрекозел.
Здесь природа для народа –
Все для тела и души.
Если будет непогода –
Сядь под елку и пиши
Про Озерье-Зазеркалье,
Где стоит былинный лес,
Что за этой светлой далью
Больше нет таких чудес.

ДОРОГОВУЖ

Дорогобуж расположен в 113 километрах от Смоленска на реке Днепр. Впервые город упоминается в «Грамоте о погородье и почастье», датируемой 1150-м годом. Предположительно название произошло от древнерусского «дороги бужать», то есть мостить. Город имел важное стратегическое значение.

Достопримечательностями Дорогобужского района являются: Свято-Троицкий монастырь, усадьба Барышниковых и автодром «Смоленское кольцо».

В самом Дорогобуже можно посетить Епархиальный женский монастырь, основанный в XVII веке, церковь Казанской иконы Божией Матери (XIX век).

Недавно в городе установлен памятник Версте, посвященный российским дорогам, а рядом располагается памятник «Дерево любви», который посещают все молодожены. Около завода ОАО «Дорогобуж» находится самый большой глобус в Европе.

НИКОЛАЙ КОВАЛЕВ

УЖЕ НЕ ЛЕТО

Кузнечиком стрекочет август в сотах,
И воздух медом, яблоком пахуч.
Сидят скворцы на проводах, как ноты,
И голубь дикий, как скрипичный ключ.

Стряхнув с малины капельки росы,
Хрустели яблоками на меже садовой,
Измазав медом липовым усы,
Сойдись, два Спаса – Яблочный с Медовым.

Танцует ветер в вихре с пылью твист,
И радует, и удивляет танцем.
И желтой краской красит клены лист,
Осина лист дрожащий – в цвет багрянца.

Подстилку на зиму в нору-темницу
Барсук, держа зубами, тащит в норку.
А мышка за своей щекой пшеницу
Точь-в-точь как хомячок – в свою каморку.

Уже нам машет осень золотая,
Как птица перелетная, крылом,
И ржанка золотистая сверкает
На переломе стаи серебром.

Еще нам долго ждать седых порош,
Еще комар кружит на зорьках тучей,
И как бы август не был всем хорош,
У сентября напев тоски певучей.

В меня сентябрь материнским молоком
Впитался вместе с журавлиным клином:

И рожью в бабках, сжатою серпом,
И первым в небе гоготом гусиным.

Печаль и радость, счастье и тоска –
Все перепуталось, как эта паутина.
И нынешняя осень, как и та,
Щемит в боку под левою грудиной.

ЖУРАВЛИНАЯ ДУША

Облаков пелена, как вуаль
Или дым от нежарких костров,
Улетает, гонимая вдаль
Лепестками от розы ветров.

Уж не манят цветами луга
Той раскраской индейских вождей.
Золотятся соломой стога,
Не успев почернеть от дождей.

Как восточная дева в чадру,
Солнце теплое прячется в тучу.
Через рваную брешь на ветру
Промелькнет золотинкою лучик.

Провода меж столбов средь полей
Под скворцами гирляндой провисли.
Крик прощальной тоски журавлей
В голове моей путает мысли.

И за ними, свободой ранимый,
Я готов полететь, только где там...
На земле в паутине незримой
Трепыхаюсь, как бабочка, к свету.

В сентябре, мне родном сентябре
Воздух луга отавою дышит.
Даже лежа на смертном одре,
Журавлиные крики услышу.

И душа встрепенется во мне,
Кличем их подкормив свое пламя,
И, намаявшись здесь, на Земле,
Навсегда улетит с журавлями...

ДУХОВЩИНА

Духовщина расположена на реке Востица в 57 километрах от Смоленска. На месте современного города в XII–XV веках существовал женский Духовской монастырь. Его церковь была освящена во имя Святого Духа. Затем вокруг монастыря возникла слобода, и Духовщина стала центром стана, а позже волости. 10 октября 1780 года утвердили герб Духовщины «В белом поле куст розов, производящий приятный дух».

Среди достопримечательностей города – храм Сошествия Святого Духа в стиле провинциального классицизма, построенный в 1811–1819 гг.

Уроженцам Духовщины – русскому путешественнику П. К. Козлову и светлейшему князю Г. А. Потемкину – поставлены памятники.

Много в Духовщине и мемориалов погибшим во время Второй мировой войны.

НИКОЛАЙ ДОЛГУШОВ

ЧЕРЕМУХА

Твои волосы пахли черемухи солодом,
Белой пеной цветов заполонило лес.
Я не знал, что весною бывает так холодно,
Когда дождь, словно мед, вязко тянет с небес.

Ты, смеясь, целовала букеты холодные.
Среди белых цветов в черноте твоих глаз
Отражались дождейки цветными разводами,
Нес в кустах соловей ахинею про нас.

Все ушло навсегда, ничего не изменится.
Может быть, это все приключилось во сне.
Может быть, но когда лес черемухой пенится,
Холодок тех дождинок бежит по спине.

МУЗЫКА

Выходя с гитарою, часто сам не рад,
Что не с тем товаром я влез в калашный ряд.
Вроде в том, о чем пою, что-то есть, да вот,
Ритмы часто путаю и не знаю нот.

Где тропинки узкие, мокрые от рос,
В дебрях дикой музыки елей и берез
Фуги Баха пели мне в полях снега,
Болеро Равеля – коростель в лугах.

А когда кириллицы тайну я постиг,
Дальних странствий музыка хлынула из книг.
Лампы керосиновой фитилек горит,
И со мной любимые Купер и Майн Рид.

Тот, кто ритмы с рифмами в буквах услышал,
Будет вечным пленником музыки стиха.
Ах, в каком аккорде и в какой струне
Спрятана мелодия слова ШАГАНЭ?

Эхо ксилофонило елками в лесу,
Ключ от той симфонии спрятан у Дерсу.
Паутинок проседи, золотые сны,
Партитуры осени, звуки тишины.

Аэродинамики знать не знает шмель,
Вот так и летает он неучем досель.
Оттого так радостен, как во сне, полет,
Миг, который на душу Бог подчас пошлет.

МАСЛЕНИЦА

Свистну, втисну в гуж дугу,
С дрожью вожжи трону,
И на белом на снегу
Серые вороны

Стаю перепутали
С черными грачами.
Но, каурый, утоли
Ты моя печали!

Распластайся, вороной,
В поле выезжая,
И хохочет за спиной
Молодость чужая.

Деньги есть, и мне нальют,
Враз кураж поймаю,
А к обеду не стерплю:
Дров поналомаю.

С мелочей грешить начну,
Догрешусь до блуда,
Стариною так тряхну,
Век все помнить будут.

Что ж ты гривую поник?
Притомился, чальный?
Успокойся, коренник,
Пристяжной, не балуй.

В голове моей хмельно
Рифмы зароятся,
Шепчут, словно за стеной,
Постучать бояться.

Где ж я глупость отмочил?
В чем же просчитался?
Век учась, других учил,
В дураках остался.

Нет нелепее конца,
Чем в таком законе,
Остывают у крыльца
Под попоной кони.

Месяц всплыл, домой пора,
Завтра – воскресенье,
Я у матушки с утра
 Попрошу прощенья.

Про меня понаплели,
Да не в этом дело –
Вроде, чучело сожгли,
А душа сгорела...

И замру я, не дыша,
Словно в стойке сеттер –
Ни души и ни гроша,
В чистом поле ветер.

Предпоследний поворот,
Вытерлись поводья,
Бродит мудрость у ворот,
Что-то не заходит.

Не совсем тверезо жил,
Но запомнил твердо:
Кто десятку одолжил,
Кто расквасил морду.

На пути мелькнул погост,
Вроде не страшает...
Впереди – Великий пост,
Ладно, всех прощаю.

АЛЕКСЕЙ АСТАШЕНКОВ

ЦВЕТЫ

Семян цветочных россыпь созерцая,
Я понял жизни бесконечный ход:
Цветок прекрасный, в осень отцветая,
Умрет, но вновь родится через год.
И будет так всегда. Не властно время,
Смерть – только выход на другой виток:
Цветок увядший миру явит семя,
А семя превратится вновь в цветок.

Цветы, цветы – источник вдохновенья,
Никто пред красотой не устоит...
Цветенье ваше – в вечности мгновенье,
Но... из мгновений Вечность состоит.

В цветочном аромате утопая,
Достаточно отбросить суету.
Душа взойдет цветком и, ввысь взлетая,
Подхватит песнь Вселенной на лету.
Исчезнут страхи, словно наважденье,
И станет ясным замысел Творца:
Смерть – не конец, а новое рожденье,
Жизнь – бесконечна. То есть без конца.

Я люблю тебя, как весны цветок,
Я люблю тебя, как росу,
Как ручья звенящий живой поток
В просыпающемся лесу.
Я люблю тебя, как простор небес,
Я люблю тебя, как рассвет.

Как родной, чарующий край чудес,
Где я мамой рожден на свет.
Я люблю тебя, как люблю Творца,
Я люблю тебя, как детей,
Как порыв, вливающий свет в сердца,
Вдохновенно-живых идей.
Я люблю тебя, как земной нектар,
Как сквозь почву проросший злак.
Я люблю тебя, как тот Божий дар,
Что любить позволяет так.

АЛЕКСАНДР СУДАРЕВ

РАДУГА

Я бежал по полю что есть силы,
Через кочки прыгал на ходу,
Я бежал за радугой красивой,
Чтоб поймать волшебную дугу.
Эти дни у детства золотого
Стали сном далеким для меня,
Как плыла огромная подкова
По полям, за дождиком скользя.
Я бежал, дыхание сбивая,
По сырой траве ногой скользя.
Это не игра у нас такая –
Это надо было для меня!
Бабушка мне верно говорила,
Бабушка моя совсем не врет:
Где дуга небесная ступила,
Там счастливчик клад себе найдет.
Я бежал, а счастье уплывало,
Ну постой же, радуга, постой!
Я не понял, где ты указала
Мой родимый кладик золотой.
Ты пойми, мне это очень нужно!
У меня сестреноч целых две:
И бантов, и всяких разных кружев
Накуплю на радость им вдвойне.
А для мамки бусы жемчугами
И платок красивый на пуху,
И конфет, чтоб чаще угощала,
А не бранила нас за чепуху.
Ну а батю – сапоги из хрома,
Чтоб скрипели по всему селу,
Чтоб на праздник, выходя из дома,
Батю было слышно за версту.
Только бы мне счастье улыбнулось,

Всю родню я одарю потом...
Тут нога босая подвернулась,
И лечу с разбега в грязь лицом.
Не сдержать обиды злые слезы,
Я поднялся, глядя в небеса.
За холмы, за дальние березы
Радуги умчались паруса.
Я стоял, до боли сжав ладошки,
Закусив разбитую губу,
И шептал: «Ну!.. Погоди немножко!
Подрасту вот, точно догоню».

ПОЛНОЛУНИЕ

Как одинокий волк: ни стаи, ни добычи.
И только лунный шелк запутывает нити.
И паутину сна затянет он до боли,
А я спать не хочу, а я хочу на волю!
Рвануться из оков, хрустальный мир разрушить!
И дикий вой волков, и пенье птиц послушать...
И нервы разорвать, чтоб сердце не болело,
И диким зверем стать, найти чужое тело.
Горячими губами со страстию вампира
На прочность испытать покров чужого мира,
Переплетенье рук, волос пушистых сети
И сердца дикий стук заглушит все на свете.
Луна горит в полнеба, дыханьем жарким дышит,
Душа кромсает тело. И я ее услышал!
Крови шальной поток пульсирует до боли.
Как одинокий волк, рванулся я на волю!!!
Рванулся я!!! На волю!

СТРУНА

На гитаре лопнула струна,
До крови пробив запястье.

Кровь пошла, да не беда:
И похуже есть несчастье.
Шкаф открою, где в коробке
Струн запас всегда храню.
Порассыпал все на полке,
Но одну я не найду.
Ту, что пела нежно, звонко,
Самой тонкою была,
Как забытая девчонка,
Что из памяти ушла.
Я в отчаянье присяду.
Что же делать мне теперь?
Без гитары нету ладу –
Ключ от памяти моей.
Когда звонко-серебристо
Мне гитара запоет,
То душа, как ангел чистый,
Снова просится в полет.
Улетает в край безбрежный,
В те забытые миры,
Где мне песнею мятежной
Душу рвали соловьи.
Где девчонка та, как в сказке,
В звездных куталась лучах,
Где огонь неясной страсти
Разгорался на губах.
Где рубаха нараспашку
И гитары перезвон,
Где я юный, бесшабашный,
И где по уши влюблен.
А теперь гитару трону –
Забасит она в ответ,
Звук протяжный, гулкий, ровный,
Словно тяжесть моих лет.
Стала ты как неродная:
Строя нет в душе твоей.
И теперь я точно знаю:
Нету в жизни мелочей.

ЕЛЕНА ДЬЯЧЕНКО

Вчера было лето, но вот уже осень,
Дурачась, измазала охрой листву.
Да только об этом грустится не очень -
Поэты и в осени славно живут.
Пораньше проснувшись, пойдут по тропинке,
Чтоб встретить заспавшийся рыжий рассвет,
И все соберут: блики солнца, дождинки,
И сложат в созвучий прекрасный букет.
Потом те созвучья раздарят прохожим,
Чтоб день не казался им хмур и уныл...
Поэты – они ж на других не похожи,
И их не понять тем, кто сердцем бескрыл.
В толпе многоликой почти не заметны,
Ища для других радости и чудес...
По осени рыжей гуляют поэты,
Господние дети, посланцы небес...

Горький кофе с утра, не горячий, а теплый, как день,
тот, который душе щедро так небеса обещали,
За оконным стеклом – одуванчиков солнечных тень,
а в тетрадах – стихи, без оттенка тоски и печали.
Пусть продлится подольше и в мире, и в мыслях весна,
ведь с приходом ее вдруг становится все по-иному:
остается плохое навечно в растаявших снах,
а в сердцах – лишь любовь, к очень краткому
мигу земному,
под названием «Жизнь»...

Тоскую по оставленным деревьям,
где в кронах солнца блики – через край!
Ты без меня состарилась, деревня,
но без меня, прошу, не умирай!

Прошу благословения у Бога,
приветствуя наставший день земной,
И чтобы стер сомненья и тревогу
с души моей и душ, любимых мной...
Еще – чтоб дал терпения и силы
принять все в этом дне без суеты,
и чтоб в избытке у меня хватило
на всех тепла, любви и доброты.
По светлому, душевному порыву
свою молитву тихую творю:
прошу, чтоб те, кто дорог, были живы,
и Господа за все благодарю.

ЕРШИЧИ

Ершичи – село в Смоленской области, административный центр Ершичского района. Расположено село в южной части области, в 140 километрах от Смоленска на реке Ипать. Название произошло от слова «ерш» – рыбы, в изобилии водившейся в реке.

Существовало село уже в XVII веке и было приходом церкви, освященной во имя святых Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы. Последний раз статус районного центра Ершичам присвоен в 1972 году.

Большой популярностью у местных авторов пользуется поэтический клуб «Вдохновение».

ВЛАДИМИР ПРОЗОРОВ

РОДНИКИ

Склон к родникам пристал. Внизу – вода.
Чудно березы мелкие рассыпались по склону.
По ветру, кажется, бегут. Спроси: куда?
На свет живой творящего икону.

Что на иконе? Лес, тропинка, даль,
Венцеобразное сияние над лесом.
Туман ли, дух с девичьим интересом
Плывет над зеркалом, что создала вода.

СТИХОТВОРНЫЙ ХАОС

Осенней прохлады самую малость
На лето больное венком положить.
От знойных деньков и золы не осталось.
Над сонным двором лист озябший кружит.

В дымке призрак лета. Оно исцелилось,
Уснув на цветах. Свет в тумане с утра.
Вам хочется очень, чтоб в чем-то продлилась
До легких ожогов хмельная пора.

Ждите, вдовой убиваясь по лету,
Когда в измереньях откроется вход.
Там можно сказать все, что думалось, ветру
И лето догнать, если сон совпадет.

Когда распутье: что это – весна?
Вина наставника, зачатые Иисуса?
Настойка боли терпкого укуса.
В апреле небо отражает нам
Все мысли наши, спящие зимой.
Сплести из снега талого – искусство!
Саму любовь, понять, как это вкусно,
В апрельский хаос прогуляться под луной.

Если бы мир был понятен и прост,
Все бы вокруг меня стало иначе.
Я бы луну ухватил за хвост
И привязал ее к будке собачьей,

Чтобы не выла душа моя
В рваном тумане на желтую полночь.
Знала луна, как был счастлив я.
Так лучше бы ей не знать и не помнить...

ХРИСТОС ВОСКРЕС!

Христос воскрес!
И зелен лес.
Листва берез нежна.
Светло черемуха цветет.
Моя весна ко мне идет,
Как юная княжна.
Христос воскрес!
И мрак исчез.
Проснулось солнце вновь.
Как сладко скворушка поет!
Пускай и к вам весна придет,
Пускай придет любовь!

БУМАЖНАЯ ЛЮБОВЬ

Бумажный змей, как мне завидно:
Жизнь в небесах, и путь твой крут.
Кого люблю – тому не видно,
Как сердце бьется на ветру.

Моя бумажная любовь –
Крестом две рейки на бумагу.
Бумажный змей – к земному шагу
С презрением – ввысь взмывает вновь.

Все выше змей, но мне обидно:
Нить у судьбы порой тонка.
Моя любовь, тебя не видно,
Закрыли счастье облака.

Моя бумажная любовь...
Слова ложатся на бумагу.
До поздней ночи спать не лягу.
Пишу тебе записку вновь.

Разбился змей – и так бывает.
Поняв тебя, слезу утру.
Кого люблю – она не знает,
Как сердце рвется на ветру.

Моя бумажная любовь...
Слеза упала на бумагу.
Сегодня точно спать не лягу,
Пока не склею змея вновь.

Моя бумажная любовь –
Крестом две рейки на бумагу.
Бумажный змей к земному шагу
С презрением ввысь взлетает вновь.

ВЕСЕННЕЕ ОДИНОЧЕСТВО

Где же эти двери,
Чтобы видеть утро?
Можно долго плавать в
радости цветной.
В сладость сна поверив,
Я проснусь, и будто
Твои руки теплые...
Ты опять со мной.

Ледяные лужи ничего не значат.
Я сниму сжимавший душу свитерок.
После дикой стужи кажется горячим
Солнцем избалованный
Нежный ветерок.

ВАЛЕРИЙ КУРГАНОВ

ВЫЗЫВАЮ НА «БИС»

Я – на сцене, ты – в зале, судьба не права!
Я люблюсь тобой, забывая слова.
Я бы прыгнул со сцены, спустился бы в зал
И охапки цветов для тебя раскидал.
Я – на сцене, ты – в зале, как это терпеть?
Я бы сделал все это, но надо допеть.
Поменяться местами не выпало нам,
Но все аплодисменты тебе я отдам.
Я тебя вызываю снова, снова на «бис».
Ты глаза опускаешь ресницами вниз.
Жаль, никто не узнает: о тебе я пою, –
Оттого взлетает голос мой!
На краю,
У обрыва, что сценой зовется у нас,
Вызываю на «бис» свет прекраснейших глаз!

АННА НАСЛЕДНИКОВА

БЛУДНЫЙ СЫН

Отец чадолюбивый, Бог всеильный,
Весь изможденный, немощный душой,
Когда-то сын Твой, ныне – прах могильный,
К Твоим ногам припадаю с мольбой.
Грехом опутан я и уничтожен,
Взор угасает в огненной тоске.
Нет оправдания для меня, но все же
Взываю в покаянии к Тебе.
Отвергнувши Твои пути спасенья,
Не внял тогда Твоим я словесам
И все свое богатое именье
Я расточил и промотал. Я сам
Виновен, сам собою я унижен,
Себя довел до жалкого конца.
И, скотским состоянием пристыжен,
Я вспомнил милосердного Отца!
Как часто утопавшему в несчастьях,
В далекой, неприветливой стране
Мечталось мне, что я в Твоих объятьях,
И образ Твой мне виделся во сне.
Мне все казалось, что меня зовешь ты,
Ловил я жадно слухом голос Твой:
«Мой блудный сын, когда же ты вернешься?
Я жду тебя!» И тихую слезой
Моя душа больная омывалась.
И вот, Отец, я ныне пред Тобой.
Ты все, что у меня теперь осталось,
Дозволь, да буду я наемник Твой!
И из груди его, исторгнутый рыданьем,
Вдруг вырвался глубокий, тяжкий стон.
И, затаив в волнении дыханье,
Из уст Отца ответ услышал он:

«О чадо, ты прошел через страданья
И получил смирения венец.
За слезное вины своей признание
Тебя Я принимаю как Отец!»
И Отчие объятия раскрылись,
Был созван пир от радости такой:
«Возрадуйтесь со Мной, возвеселитесь:
Мой сын был мертв, но ныне он живой!»

МОЙ ДРУГ

Мой друг, когда борим врагом нещадно
Восстать пытаюсь боли вопреки,
Моей душе, истерзанной и гладной,
Хоть слово утешенья изреки.
Мой милый друг, я от тебя не скрою,
Не утаю от слуха твоего
Тех скорбных дум, что овладели мною,
И мрак томленья сердца моего.
Мой добрый друг, и ты подчас в волненьи,
Изнемогаешь в длительной борьбе.
Но, находясь в печали и смятеньи,
Молясь, не забываешь обо мне.
И потому я знаю достоверно,
Что не случаен ты в моей судьбе.
Что друг духовный, искренний и верный
Дороже всех сокровищ на земле!

ПОЧИНОК

Починок располагается в 49 километрах к югу от Смоленска на реке Хмаре. Впервые упоминается в 1811 году как небольшая деревня. Вскоре поселок стал перевалочным пунктом оптовой торговли хлебом, льном, пенькой и лесом. Существительное «починок» в древнерусском языке обозначало «место, расчищенное в лесу под пашню», «новое селение».

Здесь родился один из выдающихся представителей русского авангарда художник и архитектор Л. М. Лисицкий. Уроженцем деревни Кимборово Починковского района является русский путешественник и натуралист Н. М. Пржевальский.

Так как во время войны этот населенный пункт был полностью уничтожен, то никаких архитектурных памятников в нем нет. Основной достопримечательностью Починковского района является Музей-усадьба А. Т. Твардовского на хуторе Загорье, где ежегодно в день рождения поэта проходит большой праздник, где вручается литературная премия его имени. В центре Починка установлен памятник А. Т. Твардовскому.

ИРИНА БЕНДЕЛИАНИ

Черный кофе
В белой фарфоровой чашке.
Белые клавиши
В черном зеве рояля...
Черное с белым
Всюду в одной упряжке,
Белое с черным –
Это бои без правил.

Белые чайки
Кружат над Черным морем,
Черная галька
На белом песке пляжа...
Черное с белым
В вечном, как небо, споре,
Белое с черным –
Находка или пропажа?

Знаем мы все,
Что наша жизнь – зебра,
Что нам присущи
Поиски, нервные срывы.
И погружаемся мы
В философские дебри,
И совершаем порой
Благородства порывы.

Почему не могу согласиться
С безысходностью бытия?
Почему пролетает птицей
Быстрокрылою жизнь моя?

И душа не трепещет, смирилась,
Что же это со мной такое?
Только сердце от счастья билось,
А сегодня просит покоя...
Риторические вопросы,
На которые нет ответа.
И уже на пороге осень,
А вчера было лето.
Так, наверно, природой назначено.
Вот и ценности стали другими,
А за все бывшее заплачено
Молодыми годами моими.
И уже светло и приемчиво
Я на жизнь смотрю проходящую,
Ничего в ней нет необычного,
Она просто, как я, настоящая.

Иногда мне хочется покоя,
Иногда совсем его не хочется.
Что же выбрать, то или другое:
Суету иль прелесть одиночества?
Просто возраст. И усталость. И тревоги.
Но когда сижу одна в притихшей комнате,
Вспоминаются вчерашние дороги,
И колючая стерня осенней пажити,
И тепло друзей, проверенное временем,
И костер в лесу, и свежие рассветы...
Ну и что, что мы чуть-чуть стареем,
Ну и что, что на закате лето.
Переждем очередную зиму,
Переждем сезонную распутицу,
И тогда отступят годы-льдины,
И подснежник вновь весной распустится.

ИВАН ВЛАСЕНКОВ

НАДЕЖДА

Тын с забором покошенным
Лег на землю, боченясь.
Ворон в поле нескошенном
Поет грустную песню.
Деревенька-грустинушка...
Печи рты поразинули.
Сиротливо рябинушка
Белы кудри раскинула.
Мысли-кони залетные
Перебором тольяночки...
Эх вы, годы улетные,
Как усохшие прянички.
Мир, как конь, спотыкается,
Отрекаясь от прошлого,
И кому-то икается
От житья нехорошего.
Зарастают тропиночки,
Те, что были дорогою.
И судьбу, и судьбинушку –
Их рукой не потрогаешь.
Ты поспи, хлебосольная,
Русский дух в душе теплится,
Ты у Бога застольная,
Путь надеждой осветится...

ВЕСНА

Всходило солнце поплавком.
Туман спадал, как белый парус.
И месяц сонным серебром
Серпом срезал ночи усталость.

Дышала речка в темный лес.
Шуршал камыш, водой ласкаясь.
И сказкой золотых небес
Душа природы открывалась.
И старый вяз суком скрипел.
С него качели дух собрали.
И мячик даркою летел,
Когда в лапту гурьбой играли.
Босые. Паводок уж спал.
Трава тянула к солнцу руки.
И лучик зайкою играл,
Убрал просонье зимней скуки.
Весна! Природа в жемчугах.
И день счастливой лаской залит.
И жизнь в просторных берегах
Нам всем свою надежду дарит.

ТОЧКА

Точка Бояды. Жизнь. Остановка.
Потухшие взгляды.
Судьбины концовка...
Бабушки, деды смерть ожидают.
Последние беды смиренно встречают.
Где же их дети? Может, забыли?
Кто же в ответе? Их ведь любили.
Манит дорожка к отчему краю.
Воли б немножко, радость людская...
Встреча – награда. Дом свой – покой.
Ограда – преграда. Лишь машут рукой.
Смотрят из окон: снежное поле...
Такая уж доля, и спутник их – горе.
От слез безутешных бездна видна.
Прости, Господь, грешных,
воздай им сполна.

Взгляд отрешенный – жизни кусочек...
Вопрос разрешенный: снесен мосточек.
Табличка и номер – холмик могильный.
И кто, и как помер –
вопрос непосильный.
Ограда и клетка. Могильная кочка.
Обломана ветка. Бояды. И точка.

РОСЛАВЛЬ

Рославль расположен в 113 километрах юго-восточнее Смоленска и занимает холмистую территорию на левом берегу реки Остер. Это крупный железнодорожный узел на пересечении линий Смоленск – Брянск и Могилев – Сухиничи. Древнее имя города было Ростиславль, так как основал его князь Ростислав Мстиславич приблизительно в 1137 году. Исторической достопримечательностью города является камень, на котором сделана запись в память об основании и именовании поселения. Камень установлен на Бурцевой горе, на месте закладки первой городской крепости.

В городе сохранилось большое количество архитектурных построек XVII–XIX веков, а также Вознесенская церковь, Казанско-Пятницкая церковь, Церковь Рождества Богородицы, Воскресенская церковь, Преображенский собор. Установлены памятник Петру и Февронии и памятник князю смоленскому, новгородскому и киевскому Ростиславу Мстиславичу. В городском парке расположен мемориал, посвященный освобождению города в годы Великой Отечественной войны.

Работает литературное объединение «Истоки».

АЛЕКСЕЙ ПРАНОВ

ЛЕВИТАН

На полотнах его все простое,
Ведь не броска России краса:
Вот на волжском раздольном просторе
Свежий ветер напруг паруса.

Вот закат отражается в омуте –
Эх, на утренней зорьке б сюда!
А картинку в учебнике помните?
Берег, лодка, большая вода...

Но какой-то особой печатью
Им отмечена старая Русь:
С неизбывной еврейской печалью
Сочетается русская грусть.

По Владимирской торной дороге –
Всю пройди до последней версты –
Не найдешь ни одной синагоги,
Лишь обителей тихих кресты.

Неспокойно над «вечным покоем»,
Заклубилась небесная высь.
Здесь как будто бы зреет такое,
Что попробуй поди разберись!

Отгорает природа осенняя,
Вспыхнул золотом рощи наряд...
Он – по духу – Сергея Есенина
Не родной, так уж названный брат.

Вопреки всем теориям расовым,
Самый русский пейзажа титан –

Ученик Алексея Саврасова
Иудей Исаак Левитан.

СЕГОДНЯ Я ДВОРНИК

Сегодня я дворник. Метла и лопата –
Вот мой основной инвентарь.
Я в кучи сметаю опавшее злато
И в груды сгребаю янтарь.

А рдеющих гроздей созревшей рябины
Уже остывающий зной?
Вглядитесь внимательно: чем не рубины
В ажурной оправе резной?

Все это богатство метлой и лопатой
В костер, словно мусор простой...
В награду за труд, символической платой,
Возьму клена лист золотой.

Когда затоскую, запью, залютую
И станут неважны дела,
Пусть он мне напомнит пору золотую,
Что в жизни когда-то была...

ЕЛОЧНЫЕ ИГРУШКИ

С. Дубовскому

На новогодней елочке
Игрушки все с иголки –
Стеклянные фонарики,
Гирлянды и шары...

А мне из детства дальнего,
Совсем не идеального
Припомнились забытые
Игрушки той поры:

Былинный витязь Муромец,
И пионер-тимуровец,
И космонавт в скафандре,
И летчик, и моряк...

Переливаясь золотом,
Звезда с серпом и молотом
С верхушки ели праздничной
Светила как маяк

Стахановцу с отбойником,
Колхознице с подойником –
Всем, кто трудился доблестно
С зари и до зари...

Теперь на елках шарики,
Стеклянные фонарики,
Похожие на мыльные
Пустые пузыри...

МИХАИЛ БАКЛАНОВ

ТЫ КРАСОТОЙ МЕНЯ ВОЛНУЕШЬ

Ты красотой меня волнуешь,
как ветер – рожь.
Манишь, как фея, и чаруешь,
и в сердце дрожь
одним лишь словом вызываешь.
Твой взгляд пьянит.
Живешь и не подозреваешь,
что я убит.
Лишь по инерции таскаюсь
туда-сюда.
А вдруг как только я признаюсь,
придет беда?
Ты, как бокал, меня пригубишь
без мысли пить
и тем играючи обрубвишь
надежды нить.
Издаю лишь любоваться
нет больше сил.
Мне бы в любви тебе признаться,
а вдруг не мил?

СВЕТ ВЕСЕННИЙ ПРОЗРАЧНО-НЕЖНЫЙ

Свет весенний прозрачно-нежный.
Пар струится от талой земли.
И в лесу пеленой белоснежной
Дружно ветреницы расцвели.
Разукрасили перелески,
Расстелив подвенечный наряд,
А в сосновом лесу пролески
Голубыми глазами глядят

В небеса сквозь зеленую хвою.
Душу радует птичий гам...
Я стою и люблюсь тобою.
Я тебе свои тайны открою.
Все, что есть, за улыбку отдам.

АНДРЕЙ ЭЙСМОНТ

ЛИСТОПАД

А за окном осенний дождь рыдал,
У дворника проблемы с листопадом.
«Зенит» опять прошел в полуфинал.
И Путин вновь порадовал парадом.
А мне сегодня нужен листопад.
Своею красотой необъяснимой
Рисуя дни на свой особый лад,
Они летят! Не проходите мимо!
Вдохните этой пестрой бахромы!
Сорвав ярмо несбыточных желаний,
Сорвавшись в жизнь, как листья кружим мы,
Надеясь долететь до дальних далей...

ТЫ – ТАЙНА

Ты – тайна. Для меня загадкой
Остался твой, с грустинкой, нежный взгляд.
Всегда одна? За голубой сетчаткой
Ответ не виден и вопрос не снят.
Наивно думая, что понимаю много,
Я делал выводы, пытаюсь осудить.
Ты сущность измерения Ван Гога!
Понять не смог и не смогу забыть!

РУДНЯ

Город Рудня – административный центр Руднянского района Смоленской области, в прошлом местечко, впервые упоминается в летописи от 1363 г.

Достопримечательности города: памятник «катюше», которая произвела второй залп по фашистам на территории района, памятник прославленному земляку, Герою Советского Союза М. А. Егорову, водрузившему Знамя Победы над Рейхстагом, памятник-надгробие «Скорбящая мать» скульптора Л. Кербеля.

Особого внимания заслуживает Руднянский исторический музей и мемориальный Дом-музей М. А. Егорова.

В 2005 году в Рудне освящена церковь Казанской иконы Божией Матери, в 2016 – храм-памятник святого великомученика Георгия Победоносца.

Рудня известна своим старейшим в области литературным объединением «Современник» (создано в 1955 году) и международным поэтическим фестивалем «Руднянские зори».

**ВЕРОНИКА ПЕРЗАШКЕВИЧ
(СЛОВОХОТОВА)**

СОТВОРЕНИЕ МИРА

*Just as the girl becomes a woman,
the blue sky turns into a starred firmament.*

Этой ночью задумчивый Бог
Тихо гладил запястья Вселенной,
Будто млечный шумящий поток
Пропускал по расслабленным венам.
И прохлады лилась острием
Сотней влажных отточенных лезвий.
Он расчесывал косы ее
Металлическим гребнем созвездий.

ЕВА

*И навел Господь Бог на человека крепкий сон;
и, когда он уснул, взял одно из ребр его
и закрыл то место плотию. И создал Господь Бог
из ребра, взятого у человека, жену,
и привел ее к человеку.
Бытие, 21-22*

Бог создал тебя и создал фортепиано,
И были творения жилистых рук совершенны.
И было темно. И пахло прохладой пряно.
И ты засыпал на камне в ладонях Вселенной.
И было внутри молчание сплавленных звуков,
Молчанье людей и будущей Эры столетий.
Бог вынул ребро из корпуса черного грубо
И создал Жену, не тронув натянутой меди.
Вы были вдвоем под сенью огромного сада

И звездную пыль собирали с лавандовых склонов.
Но в той тишине не грел вас божественный ладан,
И дерево клавиш трещало в молчании томном.
Проснулись дожди. Под звуки бессмертной сонаты
Крошились раскаты соленого хохота мая.
В небесных ветвях дрожали ресницы заката.
Неслышно скрипела калитка забытого Рая...

РОЖДЕСТВО

*...и родила Сына своего Первенца,
и спеленала Его, и положила Его в ясли...
Лк. II, 7*

Земля уснула в январе,
И на пороге снег золой
Тоскует о грядущем дне,
О дымке бледно-голубой.
А во дворе разлит настой
Морозной хвои на ветру –
Лишь дверь на улицу открой,
И уж дышать не вмоготу
От этой крепости зимы,
Когда ликует льдинок звон,
Когда ветра поют псалмы
И звезды бьют земле поклон,
Сливаясь в радужный костер
Под тяжким куполом ночным,
И кто-то пот со лба отер,
И жаром обдало печным.
Когда ветра поют псалмы,
Когда ликует льдинок звон,
Летят века под гул зимы
По переплетам старых крон.
На белой кипени снегов

Сбежались тени от огня,
На мягко сотканный покров
В сухих ладонях января.
Когда ветра поют псалмы,
Когда ликует льдинок звон,
В морозных яслях у зимы,
В кистях еловой бахромы
Младенцем вскрикнет Рождество.

*Какую власть имеет человек,
Который даже нежности не просит...*
А. А. Ахматова

Осенний день настал в моей квартире,
И черновик устроил листопад –
Стихи в полете выпростили крылья
Сырых и незаконченных цитат.

Когда любовь растапливает стужу,
Рука покою не дает листам –
Так в колокол огромный перед службой
Звонят в день окончания поста.

И верить начинаешь в каждый шелест,
Что отпечаток Божьего перста
Хранят дожди, ветра, лиловый вереск,
Что жизнь, как крик младенческий, проста.

Я слушаю тропарь у самой двери:
В нем дышит рай печальной красотой –
Так слушает слепой и тихо верит,
Что он увидит полдень золотой.

И вновь тетрадь измятая открыта,
И корчатся страницы под рукой –
Так лечит душу странника молитва,
Так рану исцеляет едкий гной.

Морозные спины сугробов.
Вся улица в снежных пылинках,
И гений выходит из дома:
Простуженный, в летних ботинках.
Здесь полночь ему так знакома –
Разбитый мальчишкой фонарик...
А дома – кусочек лимона
Да к чаю ванильный сухарик.

В карманах измята поэма,
Последние две сигареты,
И темы этюдов Шопена
Звучат в голове у поэта.
«Стихи мне читать бы с восторгом,
Да мерзнут проклятые ноги...»
По лунным блуждает он коркам,
Лежащим в ночи на дороге.

И мимо проходят фигуры,
В руках зажимая монеты.
Снимает он шляпу понуро:
«Подайте, кто может, поэту!»
Нашиты в подкладке заплаты,
В молчанье Васильевский остров.
И Бог в эту старую шляпу
Бросает грошовые звезды...

ТАК БЬЕТСЯ СЕРДЦЕ

The heart asks pleasure first
Michal Nyman

...И губы сухие тонули, едва
Они опускали соленые веки.
Песок размывая под кровлею Веги,
Два берега плавно сплетала волна.

Им не было слышно ни звука; рука
По капелькам клавиш рояля касалась,
И этому ритму душа отдавалась,
А кожа на теле – теплой молока.

Мелодия крепла на полутонах,
С нажатием каждым внутри у рояля
Дробились о струны два сердца, смиряя
В единую силу блаженство и страх.

Вздымался безудержный пенный вал,
Над утренним морем прохлада искрилась.
И билось, и билось, и билось, и билось...
И солнце всходило над пиками скал.

АЛЕКСЕЙ ЛЕОНЕНКОВ

Я люблю, когда звездные лужи
Прилипают к подошвам ног,
Когда ты никому не нужен,
Когда нужен один лишь Бог.
Когда сам ты, как малая келья,
А в душе есть молитвенный свет,
Но ворвется сквозняк суеверья
И оставит свой грязный след.
Я люблю, когда кротость духа
Отразится в горящей свече,
Но мечтания лезут в ухо,
Что от беса на левом плече.
Я люблю, когда чувства лягут
И в словах не скрывается лесть,
Кто не требует спелых ягод,
А доволен он тем, что есть.
Когда ангелы рядом сели,
Отгоняя лукавых крыс,
Когда снова один ты в келье
И опять над землей повис.

НИЩИЙ

Он на стакан просил, на водку,
А я не дал, сказал, что нет.
Его качало, словно лодку,
И звон мерещился монет...
И вроде было все в порядке,
Но показалось мне: с небес
Он как бы подмигнул украдкой
И как невидимый исчез.

О Боже, для чего нам тыщи,
Когда так мир чертовски мал?
Меня потом тот жалкий нищий
С петли – хмельного – вынимал.
Зачем в плечо ему уткнулся?
Зачем он мне прикрыл уста,
А после – кротко улыбнулся
Лицом воскресшего Христа?!

ЛЮБОВЬ

«Любовь наша словно варенье –
Наешься, и хочется пить» –
Улыбкою стихотворенья
Пытаюсь с тобою шутить.

Но шутку, как мышь каблуками,
Твой давит стремительный взгляд,
И на пол летит облаками
С тебя весь твой верхний наряд.

Как дохнет опарыш на леске,
Так дохнет наш стыд на губах...
Любовь – две ночных занавески,
Висящие в разных углах.

ПОЭЗИЯ

Я слагаю безумные песни,
Бетонируя в острые фразы...
Иль поэзия снова воскреснет,
Иль умрет от прилипшей проказы.

Но с весенним дыханием природы
Брызнут чувства березовым соком,
Принимая домашние роды
Нескончаемым быстрым потоком.

Может быть, я слегка бестолковый,
Акушер из меня неумелый,
Но появится радугой новой
Стихотворный младенец несмелый.

Осторожно его пеленая,
Буду чувствовать радость в душе я,
Так к поэзии, чувством пылая,
Вновь потянутся руки и шея.

Так поэзия снова воскреснет,
Оживет, как весенняя слякоть...
Я слагаю безумные песни,
От которых всем хочется плакать.

ЗАКАТ

Закат перегрыз аорту
Всем тем, кто над ним глумился.
Меня посылали к черту,
А я за таких молился.

Меня посадили на кол
Предательства и измены,
Я вместе с закатом плакал,
Ждал новые перемены.

А после – закат влюбился
В ту смерть, что за ним змеилась,
А я всем святым молился,
Чтоб этого не случилось.

Закат перегрыз аорту –
И кровь потекла по стенам,
Меня посылали к черту
И били под дых коленом.

А верный закат все видел
И дружбы плечо подставил,
И всех, кто меня обидел,
В закатном огне расплавил.

САФОНОВО

Сафоново находится на железнодорожной магистрали Москва – Брест к востоку от Смоленска.

Свое название город получил от деревеньки Сафоново.

6 апреля 1952 года поселению был официально присвоен статус города областного подчинения.

На территории города находятся Храм святого равноапостольного князя Владимира и Храм Рождества Христова.

Интересные экспонаты хранятся в краеведческом музее.

В 1954 году у Дворца культуры был открыт памятник воину-освободителю. Рядом находится братская могила, в которой покоятся останки почти двух тысяч погибших воинов.

НИКОЛАЙ ЖИГАРЕВ

НЕЗНАКОМКА

В городе, где тысячи прохожих
День-деньской спешат туда-сюда,
Где и сам прохожий я, похоже,
Ее можно встретить иногда.
Прошуршит одеждой словно ветер,
Промелькнет, как птица на лету,
Может, и напрасны эти встречи,
Только кто не верует в мечту?
Только кто не ловит брови-крылья
Или глаз задумчивый агат?
Опуская голову в бессилье,
Выдержать тебя, зовущий взгляд.
В городе, где тысячи прохожих
Ищут счастье, – все, кому не лень,
Где и сам прохожий я, похоже,
Но ее я вижу каждый день.
Прохожу, едва касаясь взглядом,
Лишь губами «здравствуй» говорю,
И, быть может, большего не надо,
Ну что я незнакомке подарю?
Только вдруг взаимностью ответит
Та, чьи так божественны черты...
Так вот и рождаются на свете
Самые заветные мечты.

ОТЧИЙ ДОМ

Мой отчий дом,
ты выцвел весь, стал ниже,
И скрыл тебя
такой же старый сад. Но ты еще
милее мне и ближе,

И я тебе, мой дом,
безмерно рад.
Я так давно,
я так давно здесь не был.
Но я могу,
в тебя не заходя,
Сказать, что пахнешь ты
дымком и хлебом,
И пол скрипит,
как прежде, у тебя.
А на стене висит
плетенка лука,

И дремлет кот
на лавке у печи. Так дай же я
войду в тебя без стука,
Лишь только сердце
пусть отчаянно стучит.

ТЕПЛО РУКИ

Я ждал трамвай и здорово продрог.
Ах, эти утренники в мае!
Но так легко согреться смог
В сверхпереполненном трамвае.

Вожатый гнал и тормозил.
И нас трясло, несло, качало,
И я уже почти забыл,
Как утро холодом встречало.

И оставалось в толчее
Побывать совсем, совсем немножко,
Когда легла на руку мне
Ее озябшая ладошка.

Мгновенный полуоборот,
И мне в упор ее «простите»,
И чувств шальной водоворот,
И нет уже важней событий...

И пусть меня кто-то упрекнет
За чувства на такую малость,
А я так рад, что у нее
Тепло руки моей осталось!

КАК-ТО ПИСАЛИ В ГАЗЕТЕ «АИФ»

Как-то писали в газете «АиФ»,
Что вечная молодость – это не миф:
Стоит чеснок на спирту настоять
Да с молочком вам его принимать
Точно по схеме, и старец любой
Вскоре запрыгает как молодой.
Этот рецепт прочитала жена,
Стать молодой захотела она.
Спирт раздобыла, купила чеснок,
Тайно заполнила тем пузырек
Да схоронила в надежное место,
Чтоб настоять, как всем это известно.
Всем-то известно, а мне невдомек.
Как-то случайно нашел пузырек.
Был выходной, а жена на базаре,
Был я, признаться, немного в «ударе»,
Принял, конечно, и этот «удар».
Жена потеряла общения дар.
Я же сказал, чтобы думала впредь,
Как ей одной без меня молодеть!

С МЫСЛЬЮ О ПУШКИНСКОЙ ЛИРЕ

Осенний вечер, поздний час.
Мои все спят уже сейчас,
А я опять сижу, мечтаю,
Пишу стихи. Зачем? Кому?
Порой и сам не понимаю,
Но вдохновению внимаю
И сам не знаю почему.
Но мне приятно рифмовать
Под шум дождя, да-да, приятно
И мозг отчаянно терзать,
Перебирая многократно
Слова и строчки, рифмы те,
Что будто не на высоте.
Затем найти – и снова, снова
Рука их зачеркнуть готова,
Как будто те уже не те.
Вот так же Пушкин рифмовал,
В ночи пером терзал бумагу
И с няней пил из кружки брагу,
И между строчек рисовал.
Что думал он в минуты эти?
Что им владело в этот час?
И что такое есть в поэте,
Что, позабыв про все на свете,
Он «улетал» на свой Парнас?
Осенний вечер, поздний час...
И дождь идет, и капель стук
Одни и те же вторит гаммы
В отливы – звонко, глухо в рамы,
Перебивая каждый звук.
Так лета бабьего мгновенье
Дожди сменили как всегда,
И холод ждем как избавленья
От этой сырости тогда,

От этой грязи за ногами,
Холодных капель по лицу
И злого стука сапогами
По невинному крыльцу.
А дождь идет неторопливо,
Шуршит, размазывая грязь,
Стучится в окна сиротливо,
От ветра в сторону склоняясь.
Прекрасно зная наши муки,
От этой муки плача сам,
Холодные к нам тянет руки
И гладит нас по волосам.
Да только что нам эта жалость?!
Уж лучше сразу весь запас,
Все то, что там еще осталось,
Что приготовлено для нас,
А там пускай: мороз и солнце...
Пусть даже снега кутерьма.
Мы с нетерпением младенца
Тебя ждем, зимушка-зима!

Выйду в поле и до перелеска,
Что стоит задумчивой стеною,
Зашагаю по тропинке детства,
Оглушенный дивной тишиною.
Тишиной, кузнечиком звенящей,
Утомленной криком дергача,
Где живешь уже не настоящим,
Где о прошлом думается чаще
И где можно просто помолчать.
Зной струится, дальний лес качая,
Запах меда унося с полян
И по перелескам разливая
Иван-чая розовый туман.

Все вокруг окутано истомой.
Замерли недвижно облака,
Но тропинкой, с детства мне знакомой,
Я спешу к тебе, моя река.
Я спешу в прохладу окунуться,
Взбить рукой прозрачную волну.
Как я рад опять сюда вернуться –
В детство, юность, зной и тишину.

ВЛАДИМИР УЛЬЧЕНКОВ

МУЗЫКА В ЦЕХЕ

В цехе шумно утром рано,
Чудно слышится при том
Карусельное сопрано
И токарный баритон.
Исключается ошибка,
Сотрясая потолок,
Я услышал: плачет скрипка...
Нет, то фрезерный станок!
Карусельный очень ценен,
Издает протяжный свист.
Думает, что он на сцене,
Думает, что он солист.
Льется музыка потоком,
И выходит хорошо.
Я подумал ненароком,
Что на оперу пришел!
Без костюмов всем неловко,
Но костюмы всем потом.
У «артистов» есть спецовка,
Ну и надпись: «Русэлпром».
В цехе я услышал вроде
Не во сне, а наяву,
Как все множество мелодий
Вдруг сливается в одну!
С каждый часом все чудесней
Песня слышится вдали.
И послушать эту песню
Прилетели воробьи.
Все работают так ловко,
Не работа, а полет.
Прокричала заготовка,
Словно песенку поет.

В цехе шумно утром рано,
Чудно слышатся при том
Карусельное сопрано
И токарный баритон.

Мужчина, созданный из праха,
Ну а супруга – из ребра!
Мужчина по лесу без страха,
А ей домашние дела!
Она стройна, мила, красива.
Она готовит хорошо.
А он обожествляет силу...
А он... он из лесу пришел.
Мне сцена видится немая:
Он носит грязное белье,
Она его не понимает!
Как, впрочем, часто он – ее.
И потому скажу любимой:
«Пойми, родная, и прости!
Ведь это я такой... из глины...
А ты из ... сахарной кости!»

СЫЧЕВКА

Сычевка – город, расположенный на холмистой, изрезанной оврагами местности, на северо-востоке Смоленской области – между реками Вазуза и Лосьмина, в 234 километрах от Смоленска. Территория Сычевского района упоминается в Повести временных лет как «Волковский лес», относящийся к Смоленскому княжеству и удельному княжеству Фоминскому. Первое упоминание поселения Сычевка датируется 1488 годом. Обитание в здешних лесах сычей и нашло отражение в гербе города и его названии. Статус города Сычевка получила по указу Екатерины Второй в 1776 году.

Основной достопримечательностью является историко-краеведческий музей, в стенах которого посетителям откроется вся захватывающая история города.

Девять памятников в городе и его окрестностях посвящены воинам и мирным жителям, погибшим в годы Великой Отечественной войны.

При въезде в город со стороны Вязьмы – церковь Николая Чудотворца, а в парке на живописном берегу реки Вязьмы находится Благовещенская церковь. «Вазуза» – так называется межрайонное литературное объединение.

ЛЮДМИЛА СОТНИКОВА

АДА Я, ДЕДУШКА...

*Посвящается выпускникам 1941года,
ушедшим добровольцами
защищать свое Отечество*

«Ада я, дедушка, ...Ада», –
Ласковый взгляд из-под челки, –
«Да, отступаем... так надо...» –
Голос дрожит у девчонки.
«Вы нас простите, родные,
Мы очень скоро вернемся...»
...Мечутся тени смешные,
Медленно падает солнце.
Тонкие веточки-руки
Из рукавов гимнастерки
Гладят совсем не от скуки
Складки потертой скатерки.
Взгляд, словно сумрак зеленый
В самом начале июля...
Смотрит старик сокрушенно,
Хлипкие плечи сутуля,
Вновь самокрутку пакует,
Ближе скамейку придвинул:
«Кто ж тебя, дочка, такую
В бездну кромешную кинул?
Где же родители были?
Путь твой, похоже, неблизкий...»
«Нет никого... Все погибли...
В первой бомбежке под Минском.
Папу... и маму... и брата... –
Сразу троих в одночасье...»
Крякнул старик виновато,
Ежится, словно в ненастье:

«Ладно, ложись-ка ты, дева, –
Ночи-то ноне как свечки.
Ежели что, для сугрева –
Чай в чугунке на припечке».
Сразу легла и затихла,
Всякому отдыху рада.
«Да-а-а, натерпелась ты лиха...
Где ж она, Господи, правда?!»
В щели старинного дома
Льется ночная прохлада,
Скорбно взирает икона,
Красно мерцает лампада,
Вечный сверчок неустанно
Грюнит чуть слышно за печью,
Думает дед непрестанно
Думу свою человечью:
«Немец, язви его в печень,
Сунулся в пекло беспечно:
Русский народ – он же вечен,
Не-е-е-т, не помогут им пушки
Против народа из стали,
Если такие девчушки
Тоже солдатами стали,
Коль на ружье променяли
Женское счастье простое...»
...Где-то петух загорланил, –
Кончилось время постоя,
А за околицей смрадно
Утро взорвали моторы,
И, словно выстрел, команда:
«Стройся! Заканчивать сборы!»
Вновь по окраинам скудным,
По большакам, перелескам
Кони, машины и люди
Двинутся от Смоленска.
Будут скелеты орудий

Еле держаться у кромки,
Лошади падать всей грудью,
Рваться гужи и постромки,
Пот забелеет солью,
Зноем полуденным выжат...
Только две истины кровью,
Только – погибнуть и выжить!
И от деревни к деревне
Средь бедноты и разрухи
Вслед, как сложилось издревле,
Станут крестить их старухи.
Вплоть до конца отступленья
Сумрачно и виновато
В каждом подобном селенье
Взгляд будут прятать солдаты.
Но с каждой новой верстою,
С новым холмом, перелеском
Выстраданное, непростое
Чувство пробудится дерзко.
Пламенем кровной расплаты
Вспыхнут суровые лица,
Будет с утра до заката
Гнев благородный копиться.
И неотступно за ними
Божья извечная правда...
«Как, я забыл, твое имя?»
«Ада я, дедушка, ...Ада...»

МАДОННА

Перед закатом, аккурат за домом,
У старого разбитого гумна,
Рожала тихо русская мадонна,
И только в том была ее вина,

Что не сильна она была словами
(таких полно от веку на Руси).
Искусанными черными губами
Шептала только: «Господи, спаси...»
А рядом, за соседским старым садом,
Пел патефон, плыла чужая речь,
И лишь Господь да ветхая ограда
Могли ее с ребенком уберечь,
Когда она испепеленным сердцем
Сквозь песню и гортанные слова
Услышала тот первый крик младенца,
Сама держась в сознании едва.
«Спасибо, Господи», – промолвила устало,
Прижав к груди любимое дитя.
Казалось, солнце нимбом воссияло,
Ей кончики волос позолотя,
В тот самый миг, когда она гасила
Готовый вырваться из горла стон.
Ах, сколько их по матушке-Руси –
Таких святых непризнанных мадонн!
Они не только в этой деревушке
Затерянной смоленской стороны...
А там, за лесом, грохотали пушки.
Стоял июнь. Шел первый год войны.

НИНА ГОЛУБЕВА

УЖЕ НЕ НАМ

Уже не нам «весна и восемнадцать».
Уже не мы танцуем под дождем,
Уже не мы идем гулять, влюбляться,
И не для нас «рассвет встречать вдвоем».

Уже не мы сумеем все на свете,
Уже не мы та «нация студенты».
Уже не мы «взрослеющие дети»,
Так ценящие жизни все моменты.

Уже не ты в общаге под гитару
Поешь всю ночь на кухне с пацанами.
Теперь другой студент, забив на пару,
Сопит, не в силах справиться со снами.

Уже не я под звук магнитофона
Пишу стихи или учу уроки.
Теперь другая весело, задорно
Шагает по проторенной дороге.

Так жалко, что уже не нам
Весна, рассвет и хочется влюбляться,
Свобода и стремленье к небесам,
Костер, гитара, ночь, и... восемнадцать.

КАРТИНА

Белые ромашки в синей вазе,
Новенькая клетчатая скатерть.
Провожать с утра тебя не надо
И встречать не надо на закате.

В доме тихо. Борщ на кухне стынет.
Солнца луч пылинками играет.
Нежная, прекрасная картина,
Лишь тебя так остро не хватает!

На стене в большой картинной раме
Фотографии, где мы с тобою вместе.
Сами строили и рушили все сами,
Пусть жестоко, но хотя бы честно.

Кот уснул на коврике у двери,
И часы отсчитывают мысли,
Только я все не могу поверить,
Что тебя не будет в моей жизни.

В ДЕТСТВЕ...

В детстве все люди хорошие,
А встречные кошки – брошенные,
И мама – самая лучшая,
И ласка ее очень нужная.
Все от души – смех и слезы.
Такие большие березы...
И папа деревьев всех выше,
И в радость коньки и лыжи.
На велике до первой стенки,
И в садах обе коленки.
Так просто дружить и надеяться...
И в школе огромная лестница,
И самый первый звонок,
И хочешь идти на урок.
Мечтаешь скорее вырасти...
Дорога из школы извилиста,
С заходом на горки, площадки,
С игрой в догонялки и прятки,
С портфелем соседки по парте
И со страной сказок на карте.

ШУМЯЧИ

Шумячи – поселок городского типа, образует Шумячское городское поселение. Расположен в 145 километрах к югу от Смоленска. Впервые о нем упоминается в Литовской грамоте 1587 года в связи с раздачей земель литовским князем Казимиром. Название поселка, возможно, произошло от речки Шумячки, на берегу которой расположен этот населенный пункт.

В деревне Петровичи Шумячского поселения родился известный писатель-фантаст Айзек Азимов.

В поселке имеются такие памятники архитектуры, как церковь Илии Пророка и польский костел, построенный в 1618 году. Древнейшим памятником края являются городища и курганные группы, датируемые X–XII веками.

В экспозиции Шумячского художественного и краеведческого музея представлены три раздела: «Ф. С. Шурпин. Живопись», «История и этнография района», «История района в период Великой Отечественной войны».

ИГОРЬ БЕРДНИКОВ

НА РАССВЕТЕ

На ладонях у светлого Бога
Я очнулся от черного сна.
По низинам змеилась дорога,
Но над нами плыла тишина.

И кружилась, сверкая и тая,
Стая птиц на парче облаков,
Та, что с юностью улетает
От таких, как и я, дураков.

Как я жил? – Увязая по пояс
В топах похоти, гнева и лжи.
Совесьть съели, насмешливо роясь,
Мысли-блохи и мысли-ужи.

И безвольнее марионетки
Свет не видел, а бес-кукловод
Адской кухни и мед, и объедки
Все пихал в мой обугленный рот.

Но однажды, как тихое эхо,
Мне слышалось слово Пора...
Бес-паук, задыхаясь от смеха,
Фыркнул: «Не доживешь до утра!».

Но я верил, что вырвусь из сети
Криволапого упыря.
Я проснусь... Я проснусь! на рассвете,
И меня поцелует заря...

ПАДАЯ

Оступился и невозвратным
Показалось, что было прежде,
И падение стало приятным:
– Трубы гибели, громче врежьте!
Страх нет. И навстречу с Бездной
Все быстрее скользишь по краю:

– Будь что будет – судьбе железной
Я когда-нибудь проиграю!
И сжигая себя этим чувством,
Этим черным восторгом бессилья,
Наполняешь Вселенную хрустом
Так трусливо поломанных крыльев.

БЕСЫ

Десять тысяч... десять миллионов...
Десять легионов разноликих
Дерзких и премудрых Соломонов,
Александров и Петров Великих.

Каждый ощущает свое право
Враз искоренить несправедливость,
Но бежит по жилам, как отравы,
К жалости холодная брезгливость.

К островам блаженства плыть готовы
Через океан чужих мучений,
Оттолкнув Божественное слово,
Истину Христовых поучений.

Как ясны их мраморные лица,
А душа от злобы закоптела.

Каждый шепчет: «Дайте насладиться
Моему божественному телу.

Я хочу почувствовать руками,
Языком, ноздрями, каждой порой
То, что ощущаете вы сами,
Алчные, улыбчивые воры.

Посмотрите – чахнет ваша слава,
Рвется оправданий паутина.
Ваш кумир – наследственное право,
Ну а мой – святая гильотина.

Ожирев в пентхаусах Олимпа,
Шевеля величественным задом,
Вы мычите о законах либо
Всех страшаете зловонным адом.

К черту разговоры о балансе
Вашего прилизанного мира!
Звонче пой в кроваво-мутном трансе –
Пой, благословенная секира!»

ЯРЦЕВО

Ярцево – четвертый по населению город в Смоленской области, расположенный на берегах реки Вопь (приток Днепра), в 350 километрах от Москвы. Первое упоминание об этом населенном пункте датируется 2 августа 1610 года в жалованной грамоте. Название города предположительно произошло от того, что прежнее селение находилось на берегу у Яра (крутого обрыва).

На территории Ярцева верующие могут посетить православный храм благоверных апостолов Павла и Петра, храм в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость».

Памятником архитектуры является башня с часами, построенная в XIX веке, и строения Луговских казарм конца XIX века.

Установлен памятник на месте захоронения советских солдат. Около городского стадиона находится памятник Героям войны 1812 года, а в центре города – памятник танку Т-34. Здание историко-краеведческого музея также является памятником архитектуры.

НИКОЛАЙ ШУЛЕНКОВ

ВСЕ ПРОЙДЕТ

Золотые слова моей мамы:
«Все проходит, проходит, сынок,
Заживут и затянутся раны,
Только дай им положенный срок.

Перестонет душа, переплачет,
Перетрет, перемелет в муку,
Не бывает ведь в жизни иначе,
Ты поверь, я ни капли не лгу».

И уже, обратившись я к сыну,
Эту истину вновь повторю:
«Ну, отбрось ты душевную рану,
Растопчи ты ее на корню.

Все пройдет, и затянутся раны,
Жизнь все дальше и дальше идет, –
Говорю я слова моей мамы, –
Все проходит, проходит, сынок.

Жизнь такая ведь сложная штука,
То паденье, то резкий подъем.
Непростая у жизни наука,
Одолеть все сложнее с каждым днем.

И пусть сердце твое не скудеет,
Хлеба, денег и руку подаст,
Пусть идущий весь путь одолеет
И господь по заслугам воздаст».

МАЛАЯ РОДИНА

Была деревня в этом месте
Домов за сотню, может, две.
Росли и жили люди вместе,
Пахали землю по весне.
Пасли коров у самой речки,
Стога тут клали про запас
И хлеб пекли душистый в печке,
Густой и терпкий пили квас.
Влюблялись тайно и открыто,
Гуляли свадьбы по три дня,
И крепкий самогон из жита
Имела вся моя родня.
К пруду сбегались стайкой дети,
Ходили гуси вдоль плетней,
Как хорошо жилось на свете
В деревне – родине моей!
Как, мама, молода была ты
С волнистой, пышною косой!
А песни, что она любила,
Всегда останутся со мной.
Отец идет по краю поля,
Размяв колосья на руках,
И хорошо, что нынче вволю
Всем хватит хлеба в закромах!
И клуб колхозный в белой роще,
Гармошка. В лампе керосин.
А как играл девчатам Лешка,
В округе был такой один!
Но время шло, все умирало,
Деревня пала, как в бою,
И малой родины не стало
В далеком, милом том краю.
И речка Вотря затерялась,
Украдкой, тихонько бежит.

А от деревни что осталось?
Да на погосте вся лежит...
Из того из далекого детства
До сих пор позабыть я не смог
Этот хлеб из домашнего теста,
Деревенский с картошкой пирог.
Пирог с салом и луком в за жарке
Зарумянившей коркой блестит.
Незатейливый, простенький завтрак,
Молоко в большой крынке стоит.
Мать разрежет пирог нам на дольки,
Молоко всем по кружкам нальет:
Зойке, Славику, Вере и Кольке,
А сама на работу пойдет.

И ВСЕ О ТОМ ЖЕ

Лишь закрою глаза – и я дома,
В чистой хате, что в крайнем ряду,
Все до грусти, до боли знакомо,
Я опять к тебе, мама, иду.

Вижу яблоню в ветках, что в землю
Под плодами склонилась давно,
Вижу хату свою и деревню,
Вижу речки я чистое дно.

И тропинка, что вьется к колодцу,
Чуть приметна в тяжелой росе,
Как же сердце взволнованно бьется,
Вижу ленту у мамы в косе.

Вижу луг вперемежку с ромашкой,
С земляникой на теплом бугре,
Вижу клевера крупные шапки
И коров, что пасу на заре.

И туман, что струится от речки,
И косу, что поет в тишине,
И отца, что сидит на крылечке,
Что-то тихо поет о войне.

И погост, что за речкой, у дуба,
Дичку – грушу я вижу в цвету.
Никогда, никогда не забуду
Я родимой земли красоту.

НИНА ОСТАШКОВА

БАБЬЕ ЛЕТО

Пускай весна пьянит других –
Меня опять дурманит осень,
А птицы на крылах своих
как будто часть души уносят.

Опять в свою вступило власть,
Заполонило бабье лето
И надо мной колдует всласть
Сквозь дымку золотого света.

Деревья не дыша стоят
И золото листвы лелеют,
Но скоро, скоро листопад
Их злато по ветру развеет!..

Опустошенье и простор
Придут в леса, поля и веси,
И журавлиный плач-укор
Растает где-то в поднебесье.

Растает... Знаю наперед
В глухом предчувствии утраты –
Ах, бабье лето – зрелый мед!
И только привкус горьковатый...

РОЗОВЫЙ СОН

А мне опять приснился сон с тобой...
Сон розовый, такой хороший –
Ты, на себя немного не похожий,
Шел мне навстречу росною тропой.

Ты шел, смеялся, говорил негромко
Неясные, пустячные слова.
Но все равно – от них кружилась голова,
И я в ответ тебе смеялась звонко...
Мне кажется, что сон мой – не пустой...
...Мы ждали солнце – и оно всходило,
Всходили почему-то два светила
Сквозь розовый туман густой.
А мы смотрели, и не удивлялись,
И странного не видели ни в чем –
Нам было хорошо – плечо с плечом –
Мы в этом сне с тобой не расставались...

Когда ты уходил, – смеялась я,
Что ты со мною как навек прощался
И долго от меня не отрывался...
Потом ушел... А я тебя ждала...
А я ждала, дурая от любви...
Потом звала... Потом тебя искала...
Ждала... И все еще не понимала –
Расстались мы на краешке зари.

ВЛАДИМИР ЗАМОРУХОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Вот и родная Смоленщина:
Топится печка в избе.
Здравствуй, любимая женщина,
Как я скучал по тебе!

Жизнь на чужбине постылая.
Как я стремился домой!
Стол накрывай, моя милая,
Ужинать будем с тобой.

Выпьем за встречу, как водится,
Баньку ты мне приготовь.
С нами Великая Троица –
Вера, Надежда, Любовь.

Жизнь я познал не по книжке
Вдали от друзей и семьи.
Славные наши мальчишки,
Здравствуйте, дети мои.

Счастлив лишь тот абсолютно,
Кому выпадает страдать.
Дома тепло и уютно,
И на душе благодать.

ЛЮБОВЬ

Что есть любовь? Спросите у Христа,
Он на кресте за всех страдает.
Любовь – такая Высота,
Которую не каждый выбирает.

Что есть любовь? Спросите у солдат,
Кто бил врага ценою жизни,
Кто отстоял Москву и Сталинград
И послужил своей Отчизне.

Что есть Любовь? Умение терпеть,
И не считать свои потери,
И смерти страх преодолеть,
Прощать, надеяться и верить.

Любовь небесную ищите.
Не дай нам, Бог, уйти в загул.
Не оборвите тонкой нити,
Что нам Создатель протянул.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Маргарита Аль. Приветствие</i>	3
О журнале ЛиФФт.....	5
СМОЛЕНСК	7
О. Дорогань.....	8
В. Суханова.....	21
Л. Сердечная.....	25
А. Самофральнойская.....	29
Л. Колесова.....	36
А. Крячун.....	39
Н. Толбатова.....	45
Т. Харитоновна.....	50
О. Сергеева.....	58
Н. Гранчакова.....	65
С. Подольский.....	68
К. Лавренова.....	76
Г. Федорова.....	78
ВЕЛИЖ	80
А. Селезнев.....	81
ВЯЗЬМА	84
Т. Нестерова.....	85
Д. Корнеева.....	86
С. Трагоцкая.....	89
ГАГАРИН	92
Т. Игорева.....	93
Н. Беспаленко.....	97
Ю. Файник.....	101
ДЕМИДОВ	106
Г. Язенькин.....	107
ДОРОГОБУЖ	110
Н. Ковалев.....	111
ДУХОВЩИНА	114
Н. Долгушов.....	115
А. Асташенков.....	119
А. Сударев.....	121
Е. Дьяченко.....	124

ЕРШИЧИ	127
В. Прозоров.....	128
В. Курганов.....	132
А. Наследникова.....	133
ПОЧИНОК	135
И. Власенков.....	138
РОСЛАВЛЬ	141
А. Пранов.....	142
М. Бакланов.....	145
А. Эйсмонт.....	147
РУДНЯ	148
В. Перзашкевич (Словохотова).....	149
А. Леоненков.....	154
САФОНОВО	158
Н. Жигарев.....	159
В. Ульченков.....	165
СЫЧЕВКА	167
Л. Сотникова.....	168
Н. Голубева.....	172
ШУМЯЧИ	174
И. Бердников.....	175
Ярцево	178
Н. Шуленков.....	179
Н. Осташкова.....	183
В. Заморухов.....	185

Учредитель: ООО ДООС
Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-63346 от 16.10.2015 г.

Адрес редакции:
141402 Московская обл., г. Химки, ул. Ленинградская, д. 29
телефон: (4812) 38-32-24
e-mail: spr-smolensk@yandex.ru

Адрес журнала в сети Интернет: info@liffit.ru

Тираж 100 экз.